

Леонид Ионин

ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ ИЗ ДУХА РАВЕНСТВА

Политическая корректность (далее политкорректность или ПК) — это не случайное, ограниченное местом и временем идейное явление, а принципиальная и важнейшая характеристика современной массовой демократии. Демократия, как известно, не всегда была массовой. Афинская демократия, например, базировалась на исключении женщин, рабов и чужестранцев. Принципиально вопрос о демократии как системе универсального равенства был поставлен и решен в философии Просвещения. Новое время стало временем триумфального шествия принципа равенства. Он достиг кульминации в доктрине универсальных прав человека и в идеологии политкорректности. Можно сказать, что политкорректность и современная демократия теснейшим образом связаны друг с другом, и одно без другого невозможно.

Прежде, чем представить доказательства этого тезиса, нужно дать рабочее определение политкорректности. Вообще определений ПК, как иронических¹, так и серьезных, очень много. Иногда она считается родом цензуры²,

1. «Политкорректность (от алб. *политически корфектний* — «идеологически правильный») — приём в искусстве, состоящий в замене слова или выражения на эвфемизм для создания комического эффекта». Абсурдопедия — <http://absurdopedia.wikia.com/wiki/Политкорректность>.
2. ПК — «практика прямого или опосредованного запрета на высказывание определённых суждений, обнародование фактов, употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых общественных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.». Википедия — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Политкорректность>. Иное определение через понятие цензуры — ПК — «специфическая форма цензуры смыслов... Не столько система запретов на высказывания и самовыражение, сколько метод реформирования внутреннего мира человека и самой структуры мышления путём выведения ряда слов и понятий из языка либо мутации их значений». С. А. Стров. В чем смысл политкорректности // Патриот. Российский политический клуб — http://prpk.info/publ/v_chem_smysl_politkorrektnosti/5-1-0-557.

иногда — набором эвфемизмов³, иногда — идеологией определенных групп, например, левацких группировок⁴ или разного рода меньшинств⁵ и т. д. В этих определениях ПК толкуется в основном как вредное, негативное явление. Есть, разумеется, и позитивные определения, например, политкорректность как форма избегания слов и действий, которые кого-то могут оскорбить⁶ или способ редукации агрессивности в социальных контекстах⁷. Любое из этих определений отражает некоторые реальные черты политкорректности, но все они не схватывают действительного масштаба и реальной значимости этого явления. На самом деле *политическая корректность* — это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса.

Политкорректность есть современное воплощение принципа равенства. Массовая демократия и массовая политика представляют собой питательный раствор, на котором произрастают идеи равенства. Ликвидация сословий сняла барьеры и фильтры между индивидами «разного сорта», которым априори полагались разные достоинства и достоинства. Поэтому жить в условиях массовой демократии означает жить в условиях постоянного равенства и сравнения себя с другими. Как говорит немецкий философ Норберт Болц, «ненависть к неравенству есть демократическая страсть *rag excellence*»⁸. Из этого можно сделать вывод, что чем демократичнее общество, то есть чем больше равенства достигнуто, тем невыносимее становится всякое имеющееся или возникающее неравенство. Громче и громче звучит требование справедливости. Хотя содержательно определить справедливость невозможно или очень трудно — у многих людей очень раз-

3. ПК — утвердившееся в США «...понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной политики... Имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006 — http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28524 ПОЛИТИЧЕСКАЯ
4. Колаковская А. IMAGINE... Интеллектуальные истоки политкорректности // Новая Польша. 2004. № 3 — <http://www.novpol.ru/index.php?id=200>
5. ПК — это «... мировоззрение, формулируемое сегодня различными меньшинствами, образовавшими мягкую коалицию „потерпевших“... Их общий признак состоит в том, что они считают себя в первую очередь жертвами, поскольку подвергались дискриминации в том или ином виде». Лобанова Л. П. Осторожно: политкорректность! / Глагол. Православный педагогический журнал. 2004. № 9 — <http://www.glagol-online.ru/arc/ng/Politkor>.
6. Термином ПК «... обозначаются язык, идеи, политики и поведение, стремящиеся минимизировать проявления, которые в социальном и институциональном отношении могут быть оскорбительными в отношении профессиональных, гендерных, расовых, культурных, сексуальных ориентаций, а также в контексте физических ограничений и возраста». Wikipedia — http://en.wikipedia.org/wiki/Political_correctness.
7. Лассан Э. Р. О политкорректности как попытке обуздания инстинкта агрессии — <http://ling.x-artstudio.de/st4.html>
8. Bolz N. Diskurs über die Ungleichheit. Ein Anti-Rousseau. München, 2009. S. 10.

ные представления о ней, — невозможно не согласиться с тем, что самым очевидным проявлением справедливости должно быть «усиление равенства». В этом согласны практически все партии, все политики, не говоря уже о простых людях, постоянно сталкивающихся с фактами вопиющего неравенства. Как выразительно пишет тот же Болц, «социальная справедливость через „большее равенство“ представляет собой сегодня ценность, которую невозможно не принять. [Для всех политических сил в современном мире] ... это принцип консенсуса номер один»⁹.

Прямым следствием этого консенсуса является подавляющее все прочие принципы требование *обходиться с неравными как с равными*, что рассматривается как одно из самых больших ценностей и достижений современности. Люди должны — и в цивилизованных странах это долженствование воспринимается как самоочевидное — считать равными белых и черных, мужчин и женщин, бедных и богатых, больших и маленьких, умных и глупых и т. д. Это и есть требование *политической корректности*, порождающей огромное количество парадоксов и абсурдов в политике и публичной жизни. Есть парадоксы и абсурды обычные, привычные, можно сказать, впитанные с молоком матери, в которых образованному человеку уже и усомниться-то неприлично. А есть парадоксы и абсурды новые и пока непривычные, но считающиеся обязательными не в меньшей степени, чем старые. К первым можно отнести любого рода принципы и требования универсализма в политике, например, всеобщее избирательное право, где действует универсальный принцип «один человек — один голос», причем вес этих голосов абсолютно тождественен, независимо от того, что один голос принадлежит, скажем, гениальному ученому, умнейшему политику или благородному филантропу, а другой — никчемному пьянице или просто идиоту, вообще не способному сформулировать рациональное суждение. Эти голоса не сравниваются и не взвешиваются, и оказывают равное влияние на принятие политических решений. Об этом мы еще будем говорить далее в разделе об общественном мнении. Но существуют и сравнительно новые абсурды, порожденные идеологией политкорректности в ее зрелом современном состоянии. Например, подведение под одну категорию, то есть фактическое признание равенства, как в правовом, так и во всех прочих отношениях классической разнополой и гомосексуальной семьи. В некоторых кантонах Швейцарии даже заключаются *церковные* гомосексуальные браки. Это торжество принципа равенства в образе политкорректности.

Прежде, чем пытаться понять феномен политкорректности в его исторической и политической определенности — еще несколько выразительных примеров. Например, политкорректность ограничивает политиков и табуирует определенные темы, даже крайне важные в современной социальной и демографической ситуации, например, национальные и этнические проблемы и отношение к иммигрантам. Это касается как России, так и Запада. Достаточно вспомнить яркий, но краткий взлет партии «Родина» несколько

лет назад. Не обязательно утверждать, что подход партии «Родина» к национальным и этническим проблемам и к проблеме иммигрантов был правильным. Достаточно того, что он был, а у других, политкорректных партий его не было. Замалчивание проблемы и изъятие её из общественной дискуссии не может иметь положительных последствий для общества.

То же относится и к Западу. Во время выборов в бундестаг ФРГ в 2002 г. решающим фактором стала проблема иммиграции и адаптации иммигрантов, тревожащая многих жителей страны. Но парадоксальным образом она сыграла свою важную роль именно по причине ее отсутствия в политической дискуссии. В ходе предвыборной борьбы неоднократно складывалась ситуация, когда консервативные партии вплотную подбирались к этой животрепещущей проблеме... и отступали, переходя к достаточно банальным вопросам социальной политики и экономики. В воздухе буквально висело ощущение негласного запрета на серьезное и принципиальное обсуждение этой темы. Табу! Отсутствие такого обсуждения сыграло огромную роль на выборах, ибо реальная постановка проблемы и острая дискуссия привели бы к достаточно резкому изменению партийного ландшафта. Политкорректность, таким образом, стала средством цензуры политической жизни.

Выразительные примеры цензуры политкорректности приводит военный историк М. Ван Кревельд в книге «Мужчины, женщины и война»¹⁰. В 1985 г. американский журнал «Лайф» в номере, посвященном сорокалетию окончания Второй мировой войны, в которой погибли 300 000 американских солдат-мужчин, поместил на обложку фото десяти героев мужчин и семи героев-женщин. Во Вьетнамской войне у американцев погибли 57 000 мужчин и 8 женщин. Их памяти посвящен монумент в Вашингтоне с шестью фигурами солдат, из которых трое — мужчины и трое — женщины. Это политкорректно. Вообще, США в области политкорректности, как и во многом другом, идут впереди всего мира. Сначала это была борьба с *расизмом* путем табуирования расовых тем и общеизвестного переименования черных в афроамериканцев, как будто бы черные — не черные¹¹, затем — борьба против *сексизма*, имеющая целью уравнивание мужчин, женщин и трансвеститов, поскольку их половая идентичность якобы не имеет значения с точки зрения их социальных ролей и статусов. Затем начались выступления против дискриминации *пожилых людей*, что постепенно пре-

10. Van Creveld M. Man, Women and War. London, 2001. P. 234

11. Характерно, что при переименовании черных в афроамериканцев не происходит, как могло бы показаться на первый взгляд, изменения критериев идентификации. К афроамериканцам не относятся выходцы или потомки выходцев из Ливии или Египта, к ним не относятся белые (соответственно, их потомки) из ЮАР и т. д. То есть афроамериканцы — это не африканцы, ставшие американцами (или их потомки), а те, кого ранее именовали черными или неграми, а теперь стали называть афроамериканцами. Об этом говорится в широко известном ироническом «Манифесте ПК»: Jerushalmy S., Zbigniew R. The PC Manifesto. Featuring a PC Primer and Revised PC Dictionary — <http://pauillac.inria.fr/~xleroy/stuff/pc-manifesto.html>.

9. Bolz N. Op. cit. S. 9.

вратилось в модную идеологию. Глаз эгалитаристов на различия, которые необходимо уничтожить, обострен до чрезвычайности. Запрещено называть инвалидов «disabled», то есть буквально «лишенные способностей», их надо называть «имеющие другие способности». Тот, кто называет инвалидов инвалидами, нарушает политкорректность, впадая в *эйблизм* (*ableism*). А тот, кто считает женскую красоту достоинством и благом, впадает в *смотризм* (*lookism*). «К греху „смотризма“ тесно примыкает и грех «возрастизма» (*ageism*) ... *Sizeism* («размеризм», что ли?) — предпочтение хорошей фигуры плохой или, проще, худых толстым. Он же *fatism* («жиризм»), *weightism* («весизм»). Страшный грех». Это цитата из статьи Татьяны Толстой о политкорректности¹². Все это запрещенные способы восприятия и поведения, в частности, вербального¹³.

12. Толстая Т. Политическая корректность — <http://fictionbook.ru>.

13. В связи со «смотризмом» (*lookism*) как запретным с точки зрения политкорректности желанием мужчины смотреть на женщину как на женщину, уместно вспомнить сцену из греховной в 1920-е гг. и быстро запрещенной пьесы Николая Эрдмана «Самоубийца». Она позволяет судить о некоторых общих корнях идейного климата в раннем СССР и современной западной политкорректности.

«В комнату входит Егорушка. Осматривается. Никого нет. Из соседней комнаты слышатся бульканье воды и пофыркивание Марии Лукьяновны. Егорушка на цыпочках подкрадывается к двери и заглядывает в замочную скважину. В это время Серафима Ильинична вылезает из-под кровати.

Серафима Ильинична. Вы это зачем же, молодой человек, такую порнографию делаете? Там женщина голову или даже еще чего хуже моет, а вы на нее в щель смотрите.
Егорушка. Я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения смотрел, а в этой точке никакой порнографии быть не может.

Серафима Ильинична. Что ж, по-вашему, с этой точки по-другому видеть, что ли?

Егорушка. Не только что по-другому, а вовсе наоборот. Я на себе сколько раз проверял. Идешь это, знаете, по бульвару, и идет вам навстречу дамочка. Ну, конечно, у дамочки всякие формы и всякие линии. И такая исходит от нее нестерпимая для глаз красота, что только зажмуришься и задышишь. Но сейчас же себя оборвешь и подумаешь: а взгляну-ка я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения — и... взглянешь. И что же вы думаете, Серафима Ильинична? Все с нее как рукой снимает, такая из женщины получается гадость, я вам передать не могу. Я на свете теперь ничему не завидую. Я на все с этой точки могу посмотреть».

Но, разумеется, современная политкорректность продвинулась гораздо далее. Ранний феминизм Клары Цеткин и других, породивший марксистский «смотризм» 1920-х гг., уступил место также марксистскому по своим истокам феминизму Симоны де Бовуар и ее многочисленных последовательниц, которые научились дифференцировать гораздо тоньше, чем эрдмановский Егорушка. Так, помимо содержательной смены оптики «смотрения» (по-марксистски — не по-марксистски) важен и параметр объема и длительности смотрения. Так, в «Словаре феминизма» (*Dictionary of Feminism*) выделяется *чрезмерный зрительный контакт* (*excessive eye contact*) — оскорбительная форма сексуального «харасмента» (преследования, приставания). Термин получил распространение после того, как в 1994 г. студентка университета Торонто подала в суд на профессора, который пристально смотрел на нее во время лекции. Суд обязал обидчика выплатить жертве 200 тыс. канадских долларов. Также существует понятие *недостаточного зрительного контакта* (*insufficient eye contact*) — не менее оскорбительная форма сексуального приставания, состоящая в том, что мужчина избегает смотреть на женщину, из-за чего она может потерять уверенность в себе и даже почувствовать физическую угрозу. В том же словаре (частично

Истолкование неравных как равных — цветных и белых, детей и взрослых, мужчин и женщин, бедных и богатых, маленьких и больших, глупых и умных, наконец, даже людей и животных — стало сегодня ценностью в себе. Неважно, каков человек — в отношении к нему мы не имеем права показать, что воспринимаем его в его особости и уникальности. Он для нас должен быть человеком вообще, абстрактным человеческим существом — голова, две руки, две ноги. Как в детской считалке: «Палка, палка, огуречик — вот и вышел человечек». Истинные его особенности и характеристики относительно, правовой и политический статус абсолютен. Вообще дух политкорректности выразим в простой формуле: *истина относительна*. ПК не предполагает стремления к истине. Истина её просто не интересует. Её задача — обеспечение *толерантности* или *терпимости* даже в отношении того, что заведомо неистинно. Популярный в России и приписываемый Вольтеру афоризм гласит: «Я считаю, что Ваши взгляды неверны, но я готов отдать жизнь за Ваше право их высказать!» Это и есть принцип терпимости при полном равнодушии к истине. Упомянувшийся выше Н. Больц справедливо заявляет, что в идеологии политической корректности западная цивилизация *порывает с понятием истины*, которое лежало в самом ее фундаменте. Подробнее об этом ниже — в разделе о науке как жертве политкорректности.

Итак, согласно требованиям ПК, каждый достоин признания и уважения. Речь идет не о равенстве перед законом, а об обязательности признания и уважения. Это требование на первый взгляд разумно, на самом же деле оно не только не осуществимо на практике, но и противоречит здравому рассудку и элементарной логике. Как можно обнаружить и окружить любовью и уважением добро, если не выделить и, соответственно, не подвергнуть остракизму зло! Вообще в нашей повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с неравенствами. Именно неравенства есть и бросаются в глаза, а равенство является чистой абстракцией. Даже если мы решимся констатировать его существование, оно так влетается в различные конкретные

опубликован в газете «Газета» 07.03.2003, см.: http://www.comprodat.ru/page_12857.htm) имеются такие интересные политкорректные понятия как, например, *потенциальный насильник* (*potential rapist*) — любое существо мужского пола, достигшее половой зрелости, *коллаборационист* (*collaborator*) — женщина, публично заявляющая о том, что ей нравится заниматься сексом с мужчинами, *умозрительное изнасилование* (*conceptual rape*) — воображаемое мужчиной участие в половом акте с женщиной без ее предварительного согласия.

В романе «Приглашение на казнь», написанном в середине 1930-х гг., когда современный феминизм даже еще не рождался, Владимир Набоков гениально предвосхитил понятие умозрительного изнасилования, так сформулировав один из пунктов «Правил для заключенных», вывешенных в тюремной камере: «Желательно, чтобы заключенный не видел вовсе, а в противном случае тотчас сам пресекал, ночные сны, могущие быть по содержанию своему несовместимыми с положением и званием узника, каковы: роскошные пейзажи, прогулки со знакомыми, семейные обеды, а также половое общение с особами, в виде реальном и состоянии бодрствования не подпускающими данного лица, которое посему будет рассматриваться законом, как насильник». Предположить, что это может стать реальным основанием судебного преследования, он, наверное, все же не смог бы.

исторические ситуации, что на практике жизни и истории всегда реализуется как неравенство. Возьмем вроде бы совершенно равных «средних» людей: равных перед законом, одинаково образованных, примерно одинаково обеспеченных и даже живущих в одинаковых соседних квартирах. Но у каждого своя биография, и эта биография может кардинально развести их жизненные пути. Один останется тем, что он есть, а другой станет, скажем, министром, профессором или миллионером. Это как пешки в шахматах: они вроде все абсолютно равны, но в разных игровых ситуациях обретают совершенно разную значимость. Кроме того, есть культуры и страны, дальше ушедшие по пути технического и социального прогресса (в чем бы этот прогресс ни выражался), чем другие. И трактовать жителей этих последних как равных жителям первых — значит не замечать или делать вид, что не замечаешь отсутствия у них навыков для нормальной жизни в цивилизованном обществе, что делает их в этом отношении неравными аборигенам этого самого цивилизованного мира, как, например, это прекрасно показано в известном и абсолютно неполиткорректном американском фильме «Борат».

Ну и есть люди, которые в чем-то бесконечно превосходят других — в уме, силе, красоте, богатстве, известности и т. п. Их обычно называют элитой, лучшими, властителями, звездами, знаменитостями. Их особенность и неравенство с другими ухватывается множеством понятий, которые не всегда даже поддаются четкому рациональному определению: величие, избранность, аристократизм, стиль и др. Конечно, сильнее всего эти особенности и исключительности воспринимались, оценивались и уважались в сословном обществе, где они оказывались базисом социальной стратификации. Георг Зиммель в свое время, определяя специфику аристократии как сословия, отмечал уникальность и особость *каждого* аристократа, его принципиальную несравнимость с другими. Для понимания этой специфической характеристики аристократии как группы, для членов которой *общей чертой* является *уникальность каждого* из них, Зиммель выдвинул парадоксальное понятие «индивидуальный закон». Если абстрактное равенство людей предполагается всеобщим законом, то индивидуальный закон предполагает, что каждый человек действует, сам определяя для себя как степени свободы, так и необходимые ограничения. Поведение при этом детерминировано личностными задатками, так и ситуационными обстоятельствами индивидуальной жизни. Индивидуальный закон — это закон, вытекающий в каждом конкретном случае его реализации (а здесь есть только конкретные случаи, но нет общей закономерности) из факта человеческого неравенства¹⁴.

Но вообще-то следует различать идеологию политической корректности, господствующую в официальных организациях, а также в политизированных кругах так называемого гражданского общества, и неэксплицируемую латентную идеологию повседневной жизни. Для повседневной жизни неравенства и различия являются изначальной характеристикой социального мира. Огромная часть социализации состоит в усвоении именно различий

и неравенств. Более того, значительная часть человеческих связей и отношений предполагает наличие неравенства как необходимое условие своего осуществления. Как изящно замечает Больц, «каждый, кто обладает жизненным опытом, знает, что не бывает счастья без переживания различий». В общем, вся наша взрослая жизнь есть опыт переживания самого разного рода неравенств.

Но политкорректность и здравый смысл — понятия не только не совпадающие друг с другом, но коренным образом расходящиеся, прежде всего, по своим функциям. Политкорректность — политическое орудие. Оно служит для *контроля мнений в условиях свободы слова*. Путем насильственной замены неполиткорректных слов на политкорректные осуществляется насильственный перевод мнений и высказываний из одной системы мысли в другую, более того, из одной картины мира — в другую. Например, если в ходе выступления оратор употребит термин «чужой» по отношению к прибывшему в страну лицу иной национальности, иной веры или иного цвета кожи, то политкорректная аудитория может прервать его восклицаниями: «Не чужой! Другой!» (этот случай действительно произошел с автором настоящей работы). Вроде бы, не очень великое изменение. На самом деле политкорректное «другой» переводит рассуждение из контекста, скажем, борьбы цивилизаций, геополитики, острых международных и идеологических конфликтов в контекст общедемократического *Fraternité* и благостных призывов типа «Оды к радости», причем в отсутствие религиозных оснований, которые все же были у Шиллера. Важно, что реакция на отклоняющиеся, неполиткорректные мнения — это не рациональное возражение, а *возмущение*. Гнев и возмущение, как уже отмечено выше, — демократические чувства, и они позволяют контролировать аудиторию лучше, чем рассуждение и анализ. Так что способ реагирования на неполиткорректные слова становится дополнительным орудием контроля мнений. Таким образом возникает *политкорректная ортодоксия*, которая способна возбуждать и направлять демократическое общественное мнение даже против большинства, которое тем самым действительно превращается в «молчаливое большинство». Этот процесс формирования молчаливого большинства, которое подавляется малочисленной, шумной и политкорректной ортодоксией, немецкая исследовательница общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман назвала «спиралью молчания»¹⁵. Мы еще вернемся к ней в дальнейшем.

ГЕНЕАЛОГИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Норберт Больц дает социологическое объяснение феномена политкорректности. Одна из важнейших задач политкорректности сегодня состоит в том, чтобы показать, что столкновение цивилизаций и борьба культур на самом деле представляют собой не что иное, как культурную и национальную дискриминацию и создание атмосферы межнациональной вражды и ненави-

14. Simmel G. Das individuelle Gesetz // Simmel G. Philosophische Kultur. Leipzig, 1913.

15. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

сти. При этом политкорректность еще и умудряется замаскировать собственную стратегию. Дело в том, считает Больц, что имеет место не одна борьба культур, а две. Одна из них — это борьба Запада против всего остального мира (это не просто столкновение религий и не столкновение равноправных и равноценных культур, а именно борьба всех против Запада, преследующая своей целью уничтожение этого самого Запада), а вторая — это, по мнению Больца, борьба Запада против самого Запада, ведущаяся перьями левых интеллектуалов. Имеются в виду возбуждаемые ими антибуржуазные настроения.

Есть очень простое, но убедительное объяснение того, почему подавляющее большинство европейских интеллектуалов в политике занимают левые позиции: «Они много значат, но мало зарабатывают», — пишет Больц. И им приходится постоянно сталкиваться с успешными персонами буржуазного мира, которые очень много зарабатывают, хотя в интеллектуальном смысле им очень сильно уступают. Больц формулирует эту простую мысль еще и на языке социологии: «типичный антибуржуазный рессентимент интеллектуалов возникает в силу неравновесия дохода и статуса»¹⁶. Карл Маркс, Владимир Ильич Ленин, затем в двадцатые годы прошлого столетия — Антонио Грамши, Вальтер Бенямин и ранние представители Франкфуртской школы — все они были не только философами и абстрактными наблюдателями мировых фигур и процессов, но и неистовыми пропагандистами антибуржуазного духа. У самых ярких фигур, таких, как Маркс или Ленин, в инвективах, направляемые в адрес буржуазии как класса и буржуазного государства, звучал такой накал страсти и ненависти, что трудно было не заключить о присутствии личных мотивов. Об этих мотивах, в частности, о материальных затруднениях Карла Маркса, о личных проблемах и трудной эмигрантской жизни Ленина писали многие публицисты. Не трудно в этом смысле предположить, что левая мысль родилась из духа ненависти к успехам буржуазии и «нанятых» ею идеологов. Возрождение этого духа случилось в 60-е гг. прошлого столетия, и с этих пор левый интеллектуализм существует и делает успехи как постоянная оппозиция капиталистическому развитию. Шестидесятые годы — это время антикапиталистической студенческой революции, которая зиждилась на фрейд-марксистском базисе, творилась во имя разоблачения репрессивной идеологии и освобождения пола как альтернативы марксистскому освобождению труда. Любые кризисные явления приветствовались радостными криками, ибо это давало возможность провозгласить смерть капитализма и от имени всего человечества потребовать справедливости в равенстве. Революция 1960-х сошла на нет, не оставив каких-либо ясно наблюдаемых изменений в политике и экономике, но запечатлела свои неизгладимые следы в европейской культуре. Такими оказались, во-первых, сексуальная революция, коренным образом изменившая отношение общества к полу, и во-вторых, культурное движение, ставшее известным под именем постмодерна. О постмодерне речь пойдет

ниже. А в третьих, революция 1960-х не умерла, сохранившись в постоянном стремлении к освобождению чего-нибудь (объект эмансипации постоянно меняется) из-под ига буржуазии, безжалостно использующей и истребляющей этот подлежащий освобождению объект.

Больц дает краткий перечень подлежащих освобождению объектов и выдвигаемых «освободителями» (а также и подлинных) мотивов борьбы за освобождение, который я здесь воспроизведу как можно ближе к тексту. Дальнейшее развитие, пишет он, продемонстрировало (как это, впрочем, было продемонстрировано уже тысячекратно на примерах самых разных революций), что те, кто требовал равенства, на самом деле стремились к привилегиям. Это относится к интеллектуалам едва ли не в первую очередь. Они обманывали, ссылаясь на «человечество». Это бесцветное понятие получает свое антибуржуазное звучание только тогда, когда подавляющее большинство населения истолковывается как жертва системы, управляемой кучкой богачей. Это наполовину конспирологическое, наполовину философско-историческое представление в левой мысли всегда считалось выражающим самый дух мировой динамики. Сначала (в марксизме) угнетенное человечество представлял собой угнетаемый капиталистами класс фабричных рабочих, потом (в феминизме и вообще социал-демократии) его место заняла угнетенная женщина и угнетенные колониальные народы, потом — безжалостно используемая, загрязняемая и погубляемая природа (зеленые и социал-демократия). Капиталисты *всегда должны* что-нибудь угнетать и губить, иначе не может быть объяснено господствующее положение западной цивилизации, и невозможно призвать ее к ответу по всемирно-историческим счетам. Поэтому теперь, когда экологический контроль стал непременным атрибутом любых индустриальных проектов и процессов, роль угнетаемой и загрязняемой природы занял безжалостно убиваемый промышленными странами земной *климат*. Это новый фетиш, заключает Больц, над которым рыдают все обиженные судьбой люди, страны и корпорации¹⁷.

ПОЛИТКОРРЕКТНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Эти рассуждения очень убедительны. Но в полемике Больц забывает указать границы своих суждений, и тогда оказывается, что буквально против каждого из них могут быть выдвинуты весомые возражения. Так, не все левые интеллектуалы буквально ненавидели буржуазность как мировоззрение и образ жизни. Многие социал-демократические мыслители и политики, а также, например, неомарксисты «поздней» Франкфуртской школы, такие как Оскар Негт, Карл-Отто Апель, знаменитый Юрген Хабермас оказались хорошо интегрированы в идеологическую систему западного мира. Даже некоторые вожаки студенческой революции 1960-х, Режи Дебре, например, без труда сумели стать крупными чиновниками, либо вполне буржуазны-

16. Bolz N. Op. cit. S. 29.

17. Ibid.

ми мыслителями. Вообще-то Больц прав в том, что левые интеллектуалы должны быть умными, но бедными. Не подобает защищать обездоленных тому, кто не в состоянии прочувствовать их судьбу и долю. Но дело в том, что в нынешней утвердившейся во всем мире организации интеллектуального труда практически нет различий в статусе и доходах университетских преподавателей и профессоров в зависимости от их идеологической ориентации. Профессора, имеющие разные политические ориентации, успешно работают вместе, точно так же, впрочем, как и профессора, имеющие разные сексуальные ориентации. Причем это становится возможным именно в силу того, что в университетах господствует дух политкорректности. *Современный университет – это политкорректный университет.*

Последнее суждение надо расширить – отнести его ко всей современной науке и ко всей системе образования. Политкорректность коренным образом меняет сами принципы научного исследования и преподавания, как их великолепно сформулировал Макс Вебер в знаменитом эссе «Наука как профессия и призвание»¹⁸. Ученый, говорил Вебер, должен оставлять свои политические убеждения и интересы за порогом аудитории. Нельзя употреблять в отношении явлений, которые могут стать предметом исследования, оценочные суждения. Нельзя определять суть явления, пока оно не исследовано. Все может стать предметом исследования, в том числе и расы, и биологическая обусловленность половых ролей, и вклад разных цивилизаций в мировую культуру, и даже сама политкорректность. У науки свой язык, и количество модальностей в нем ограничено, оно гораздо меньше, чем в обыденном языке. Употребление языка науки и есть *подлинная политическая корректность ученого и преподавателя*. Она не выходит за пределы его научной и преподавательской деятельности как таковой и не запрещает ему быть и политиком, и пропагандистом – но только в свободное от преподавания время.

Совсем иначе начинает выглядеть ситуация интеллектуалов, когда в университет, в систему образования вообще – в самую ткань научной терминологии и якобы объективных оценок – начинает проникать извне политически и культурно детерминированная политкорректность. Это проникновение совершается разными способами. Приведу несколько примеров. Вот, что пишет о политкорректном обучении А. Колаковская: «Недавно я читала отчет об обучении географии в английских школах. На уроках географии главные темы – „Окружающая среда, устойчивое развитие и культурная терпимость“; учителя „говорят учащимся, что те должны думать о глобальном потеплении и эксплуатации менее развитых стран большим бизнесом. К каждой проблеме есть только один правильный подход, других толкований нет“; «дети получают много знаний о загрязнении окружающей среды и об эксплуатации, но не о реках и горах, государствах и столицах и не о том, что где расположено. Под конец средней школы дети не умеют найти на глобусе Африку»¹⁹. Вот сообщение «Фокс ньюс», также относящееся к школь-

ному образованию: «В некоторых муниципальных школах учителя математики учат не только алгебре и геометрии, но и тому, как бороться с тем, что они считают расизмом. Программа „анти-расистского обучения“ в муниципальной школе в Ньютоне, Массачусетс... вызвала недовольство некоторых родителей, считающих, что школьное управление озабочено политической корректностью больше, чем развитием математических навыков. Согласно региональным нормативам обучения в средней школе, *главной целью* (top objective! – Л. И.) обучения математике является выработка в учениках «уважения человеческих различий». Задачей учеников является «усвоение главных системных ценностей „уважения человеческих различий“ путем демонстрации поведения, свободного от расизма и предрассудков» и т. д.²⁰.

То же самое происходит в гораздо более широких масштабах, в частности, в ходе обучения *антирасистской математике*. В Англии антирасистская математика – часть реформы образования, состоящая в выработке преподавания математики, свободного от якобы наличествующих в традиционном преподавании культурных и расовых предрассудков. На место математики как дисциплины, созданной целиком западными учеными, должна прийти антирасистская математика и *этноматематика*. Это касается и содержания, и методов преподавания. Главным предметом изучения должно стать математическое знание древних неевропейских цивилизаций, а также вклад неевропейских математиков вообще. В преподавании следует избегать расовых стереотипов как в оценке знаний учеников, так и в учебных пособиях, учебниках, материалах и экзаменационных вопросах и т. д. Задачей антирасистской математики в целом является достижение более высоких результатов представителями некоторых групп меньшинств²¹.

И наконец, пример из собственной практики: однажды, сочиняя учебник, я написал совершенно безобидную фразу о том, что «разные народы и расы внесли разный вклад в становление культуры человечества». Один прогрессивный академик (в смысле: действительный член Российской академии наук) в своей рецензии в негодующем тоне обвинил меня в «расиализме». Поскольку, очевидно, не всем известен этот термин, поясню, что «расиализм» (в отличие от «расизма», который ставит одни расы выше других) констатирует, что существуют разные расы и, поскольку они разные, люди этих рас отличаются друг от друга. «Расиализм» – это продукт дифференцирующей работы прогрессивных западных академиков (в смысле: людей академических профессий). Так вот, обвинение в «расиализме» – это практически запрет на слово «раса» и, соответственно, на научное изучение рас. Это только эпизод, не имевший никаких практических последствий. Но политкорректность может оказать и уже иногда оказывает опустошающее воздействие на науку. Политическая корректность вообще состоит в требова-

18. См.: Вебер М. Избранные труды. М., 1990.

19. Колаковская А. Цит. соч.

20. Porteus L. «Anti-Racist» Message in Mass. Math Class // Fox News. February 08 2005 – <http://www.foxnews.com/story/0,2933,146684,00.html>

21. См.: Extract from Memorandum Submitted by the African-Caribbean Network for Science & Technology to Committee on Science and Technology: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmselect/cmsctech/508/508ap01.htm>

нии не замечать многие очевидные вещи, делая вид, что их не существует. До определенной степени эти её требования совпадают с нормами вежливости и такта, только до тех пор, впрочем, пока из них не начинают делаться политические выводы. Такое же замалчивание распространяется и на науку. Изучение генетических детерминант и расовых особенностей поведения, врожденных половых ролей и т. п., вообще почти все социобиологические исследования трактуются как нечто не совсем приличное, как упоминание — и более того, настаивание — на том, о чем не принято не то, что настаивать, но не принято вообще упоминать. Речь о том, *истинны или неистинны* суждения об открываемых в этих областях закономерностях, вообще не идет. Истина должна пасть жертвой приличий, то бишь, политической корректности. На место исследования, ориентированного на поиск истины, приходит *моральное негодование*, и этого в современных условиях оказывается достаточно, чтобы определенные исследовательские направления закрылись как бы сами собой, вроде бы как из-за отсутствия интереса к ним со стороны исследователей. Ведь не каждому хочется быть Галилеем, не всякий ученый готов выдержать, когда его представляют расистом, сексистом, фашистом и вообще человеконенавистником. Чтобы таковым не прослыть, табуированных тем надо не касаться, а если коснуться, то лишь с выводом о том, что искомого содержания в этой теме нет.

Чтобы закончить с темой политкорректного университета, обратим внимание только на один аспект современной академической жизни — на ее обусловленный политкорректностью *коллективизм*. В принципе архитектурный образ, который лег в основу всей науки модерна — это одинокий ученый, исследователь, университетский профессор. Как показал когда-то Альфред Шюц, это одиночество носит принципиальный характер, обусловленный спецификой научной работы. Ученый, входя в свой кабинет как бы отряхивает с ног своих прах повседневного мира, полного практических забот и интересов, и остается свободным наедине с вечностью, которую воплощает в себе наука. Шюц даже заостряет свой тезис, утверждая, что «теоретизирующий индивидуум одинок: у него нет социальной среды, он стоит вне социальных отношений»²². Научное сообщество, если употребить для наших целей термин Норберта Элиаса, — это сообщество индивидов. Современный же эгалитарный (= политкорректный) университет, наоборот, изобретает разные способы сгладить, снизить, вовсе нивелировать различия талантливых и неталантливых, успешных и неуспешных ученых, например, выдвигая на первый план «команды» вместо индивидов, формулируя требования командной работы, как будто команда дает какое-то новое, небывалое качество. Ту же цель преследуют и многочисленные «сетевые» методики, а также семинары. Речь идет об исследовательских семинарах. Предполагается, что новые идеи возникают не в библиотечном (или теперь — компьютерном) одиночестве ученого, а в процессе обмена мнениями со специально для этого собравшимися коллегами. Конечно, иногда бывает полезно соз-

дание команд и групп для достижения определенных ясно поставленных целей, но нужно четко понимать, что в научной области группа не в состоянии достичь уровня, превосходящего уровень самых талантливых ее членов. Она — не сообщество равных, а имеет свою структуру, где один или максимум два индивида играют роль инноваторов, поставщиков идей, а у остальных — вспомогательные функции.

Если вернуться к тезису о неразрывной связи политкорректности с рессентиментом левых интеллектуалов, то из сказанного следует, что в результате уравнивания статусов и доходов интеллектуалов разных ориентаций левый интеллектуализм лишается своей рессентиментной составляющей (либо эта составляющая сохраняется как чисто декоративный элемент) и оказывается ничем иным, как *одной из возможных исследовательских стратегий*. Сравнительные достоинства исследовательских стратегий в социальных науках определяются в конечном счете тем, насколько они пригодны и плодотворны в постановке новых проблем и поиске путей совершенствования социальной жизни. «Левая» исследовательская стратегия, безусловно, плодотворна. Так, не только политико-публицистические, но и вполне академические исследования положения и образа жизни рабочих, колониальной эксплуатации стран третьего мира, труда и профессиональной занятости детей и женщин, экологических последствий промышленного развития и т. д. приводят в конечном счете к постановке социально значимых проблем и к поиску их решений уже не в академической сфере, а в области политик и технологий. То, что образ жизни и экономическое положение рабочих в развитых странах Запада иногда близко к образу жизни и положению среднего класса, что женщины в определенной степени уравниваются в правах с мужчинами, что экологическое обеспечение и экологическая экспертиза всех проектов стала обязательной, — это результат постановки проблем в рамках того самого левого мышления, как оно (впрочем, достаточно расширительно) трактуется Больцем.

Но дело не только в том, что «левые» исследовательские стратегии могут быть научно плодотворными. Дело в том, что не правильно приписывать левым интеллектуалам и только им все грехи ПК: *левые интеллектуалы не только политкорректны, и политкорректны не только левые интеллектуалы*. Политическая корректность сводится, в конечном счете, к той точке зрения, что *все* идеи, мнения, мировоззрения и культуры равно ценны. С одной стороны, это кажется очевидной глупостью, но, с другой, — именно принцип равноценности всех мнений положен, как мы уже упоминали выше, в самую основу демократической процедуры. Один человек — один голос, независимо от того, кто этот человек — просвещенный ученый или просто дурачок. Подробно об этом, как уже сказано, речь пойдет ниже. Здесь нас интересует происхождение этой вполне политкорректной нормы. А она связана не только с левой политической традицией, но и является продуктом конституционно-правовых установлений в *либеральном* духе. Вклад либеральных философов в идеологию политкорректности не меньше, чем вклад левых. Упомянутая А. Колаковска в статье, посвященной политкорректности,

22. Schütz A. On Multiple Realities // Collected Papers. Vol. 1. The Hague, 1962. P. 253.

отмечает, что существует некий политкорректный «обычай»: сослаться на то, что именуется «всеобщим либеральным согласием» (*liberal consensus*). Это уверенность в том, что (а) все приличные люди согласны с основополагающей либеральной идеологией, (б) каждый, кто с ней не согласен, заслуживает осуждения, (в) каждый, кто отрицает, что такое всеобщее согласие существует, тоже заслуживает осуждения. «Если мы ищем лаконичное определение политкорректности, — пишет А. Колаковска, — может быть, с этого и надо начать: это идеология, которая предписывает веру во всеобщее либеральное согласие²³».

Мы привели ее мнение для подтверждения факта не только марксистских, но и либеральных истоков идеологии политкорректности. Но этот спор с Больцем имеет чисто академический характер. Сегодня происхождение политкорректности не так уж и важно, потому что она давно уже не соотносится с политической ориентацией. Политкорректными обязаны быть и политкорректны на практике, как правые, так и левые, как социалисты, так и либералы. Политкорректность приобрела на Западе и начинает приобретать в России черты буквально религиозной правильности и обязательности. Мы говорили о *негодованиях*, с которыми реагируют на непolitкорректные суждения. Это характерно именно для реакции верующего или глубоко убежденного в своей правоте человека. Ведь ни в том, ни в другом случае рациональная аргументация не играет решающей роли. В основе мировоззрения лежат вера или убежденность, и само поведение руководствуется моральным долгом. В результате получается, что для академической публики во всем мире политкорректность становится своего рода заменой религии в безрелигиозном мире, а для академиков в России — это эрзац утраченной идеологии. Понятно — особенно применительно к России, — что с точки зрения языковой политики политкорректность есть попытка ввести хоть какой-то порядок в современный хаос, установить какие-то вехи, какие-то ориентиры в ставшей совершенно непрозрачной социальной жизни. Дюркгейм называл подобную ситуацию *аномией*. Если политкорректность — религия или идеология, то она дает индивиду ощущение субъективной уверенности и моральной правоты, с которыми ему легче жить и ориентироваться в хаотичном и непонятном мире. Другое дело, что моральная правота и субъективная уверенность — не помощники в познании. Этика — а значит и политкорректность! — не могут заменить науку в деле познания мира.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В БОРЬБЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В чем состоит всемирно-исторический, если можно так выразиться, смысл политкорректности? Контроль над языком и предписания по правильному обозначению вещей и явлений вкупе с табуированием некоторых слов и понятий всегда были свойственны репрессивным режимам, играя особую роль в формировании «правильного» образа мира. Как известно, идеаль-

но вскрыл этот механизм Джордж Оруэлл. Правила и требования политкорректности заставляют сегодня вспомнить оруэлловский *New Speak*, новояз. Норберт Болц, исходя именно из победоносного движения политкорректности, полагает, что марксизм, который провалился как программа социалистического преобразования мира, победил именно как культурная революция. Политкорректность — это, говорит он, ядро марксистской культурной революции XX и XXI вв. Символ веры этой культурной революции Болц сводит к четырем тезисам:

- 1) все жизненные стили равны, дискриминировать альтернативный жизненный стиль — преступление;
- 2) кто против политики уравнивания, тот расист, ксенофоб и сексист;
- 3) не гомосексуалы больны, а те, кто осуждает гомосексуалов;
- 4) ни одна культура и ни одна религия не превосходят другую.

Воспринять всё это всерьез невозможно, но признаться в этом нельзя, если не хочешь быть заклеянным как расист, ксенофоб и сексист. Это точь в точь как с буржуазной идеологией, представляющей собой, согласно марксистскому учению, извращенное, ложное отражение действительности. Если ты не согласен с каким-то тезисом марксистской теории или требованием марксистской революционной практики, то ты находишься под влиянием буржуазной идеологии, то есть видишь мир в её кривом зеркале. Таким образом, любое возражение против марксизма будет отвергнуто, и не только отвергнуто — возражающий еще и будет обвинен в том, что его сознание извращено, искривлено, отравлено и т. д. Таким образом, в марксистскую идеологию, а равным образом и в идеологию политкорректности оказался вмонтирован своеобразный теоретический механизм, благодаря которому не только заранее отвергается любая критика, но сам критик оказывается обвиненным в самых тяжких грехах, причем *именно по причине самого факта критики*. В силу действия этого механизма, коснувшись любой из табуированных политкорректностью тем, критик получает в ответ полный заряд ненависти и презрения. Кстати, в свое время, в 30-е гг. прошлого века именно этот механизм, именно этот ход мысли стал *одним из* инструментов легитимации террора против инакомыслящих в СССР. Пойдет ли политкорректное общество по тому же пути? В конце концов, как показала история, любой «новояз» существует не сам по себе, а как орудие легитимации реальной политики!

Вообще-то такие эмоции, как ненависть, презрение и прочее, а также необходимость репрессий вроде бы не запрограммированы в политкорректных индивидах. Но в том-то и дело, что терпимость в политкорректном обществе предписана только одной стороне. «Многообразие» и «мультикультурность», то есть справедливое и равное представление разных религий, культур и народов — это как «истина», «равенство» и «справедливость» в оруэлловском новоязе. На самом деле мы скорее имеем дело с *инверсией* традиционного культурного шовинизма (Болц). Идеал и образец — Азия и Афри-

23. Колаковская А. Цит. соч.

ка, Запад—это то, что следует презирать и чего следует стыдиться. Многообразие и равенство означает на практике: *все минус одна*. И эта одна—культура Запада. Существует множество фактов, показывающих, что во взаимодействии с иными культурами именно западная культура белого человека оказывается проигрывающей и страдающей стороной²⁴.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ И ПОСТМОДЕРН

Действительное изучение и критика политкорректности затруднены тем, что она существует в виде некоторого набора никогда и нигде полностью и однозначно не выраженных и не опубликованных нормативных требований или же достаточно расплывчатых пожеланий относительно публичного и частного поведения в отношении разного рода «меньшинств»: национальных, религиозных, культурных, сексуальных и т. д., а также индивидов, в каком-то отношении отличающихся от большинства людей. Её нет в написанных трудах, на которые можно было бы сослаться. Создается впечатление, что политкорректность возникла сама по себе, вроде бы соткалась из воздуха, как булгаковский Коровьев в саду на Патриарших и, если и имеет за спиной какую-то традицию (а именно: марксистскую, на что убедительно указывает Больц), то современной «теорией и методологией» не располагает. Действительно ли у практики политкорректности сегодня отсутствует теоретический фундамент? Пожалуй, все же он имеется, и в этой роли выступает постмодерн. На первый взгляд это звучит вызывающе. Постмодерн—не политическая, а скорее культурная идеология. Он не то, что не запрещает, но, наоборот, поощряет любые новшества и даже безумства. Для него нет ничего окончательного, ставшего и вообще конечного. Более того, для него нет ничего неприемлемого. Постмодерн способен вместить в себя все—любую позицию, теорию, идеологию, точку зрения и объединить их все в своих бесконечных коллажах. Поэтому постмодерн, казалось бы, не только не политкорректен, но даже анти-политкорректен.

Но именно эти его перечисленные качества роднят его с идеологией политкорректности. Так же, как и суть политкорректности, суть постмодерна выражена в простой формуле: *истина относительна*. Так же как и политкорректность, постмодерн не ищет истину, истина его не интересует—он провозглашает *терпимость*. Так же как и для политкорректности, для постмодерна не существует *чужого*. Там есть *другое*, и только. Несмотря на то, что

24. Киевский публицист А. Шарий пишет: «Убаюкивающие сказки о толерантности и политкорректности накрыли нас с головой в 90-х годах. Именно тогда правозащитники всех мастей просто-таки взмокли, забрасывая законодательные собрания европейских стран своими требованиями „равенства и братства“. При чем равенство по отношению к носителям ислама со временем стало более «равным». То есть ислам пользовался в Европе всё большими льготами и преимуществами, отвечая на это преследованиями и травлей христиан как у себя дома в мусульманских странах, так и в Европе». Далее следует впечатляющая подборка фактов. Шарий А. Нетолерантная статья о мусульманах // <http://www.from-ua.com/voice/f7a6cfbea65cc.html>.

постмодерн, по определению, сверхсовременен, сверхмодернен, он несет на себе родовое пятно одной из базовых идеологий модерна, а именно: марксизма. Многие его теоретики произошли из марксистов. Например, Жан Бодрийяр, отталкивавшийся от марксова анализа товара. Бодрийяр рисует картину мира, где реальные объекты утратили доверие, потому что все кодируется, моделируется и воспроизводится искусственно. Коды порождают «гиперреальности» (голография, виртуальная реальность и т. д.). Возникает феномен «обратимости», что ведет к исчезновению конечностей любого рода; все оказывается включенным в одну всеобъемлющую систему, которая *тавтологична*. Мир становится миром *симулякров*²⁵. На человеческую жизнь это оказывает поразительное влияние. Она становится одномерной, все противоположности сглаживаются либо вообще исчезают. Благодаря таким жанрам, как перформанс или инсталляция, переход от искусства к жизни оказывается либо незаметным, либо вовсе несуществующим. В политике, благодаря репродуцированию идеологий, более не связанных с социальным бытием, снимается различие между правым и левым. *Различие истинного и ложного* в общественном мнении—в масс-медиа, прежде всего,— *перестает быть значимым*. Полезность и бесполезность объектов, красивое и безобразное в моде—эти и многие другие *противоположности*, определявшие ранее жизнь человека, *сглаживаются и исчезают*.

Другой знаменитый философ постмодерна Жан-Франсуа Лиотар тоже имел марксистское прошлое: он был марксистом и социалистом прежде, чем стал идеологом постмодерна. Вообще, можно сказать, что отдаленные начала постмодерна заложены в элементах марксова социального анализа, прежде всего, в учениях о товарном фетишизме, об отчуждении, об идеологии. Не случайно, конечно, что почти все крупные мыслители, с которыми связаны идеи постмодерна, начиная от Георга Зиммеля и Вальтера Беньямина и кончая Бодрийяром и Лиотаром и их последователями, либо прошли через период марксизма, либо до конца находились под воздействием марксовых теорий и доктрин. Это—не обвинение, как может показаться кому-то из молодых читателей, начитавшихся популярных страшилок о Марксе. Это попытка показать генеалогическую связь, общее происхождение марксизма, политкорректности и постмодерна как политических идеологий или по меньшей мере идеологий, имеющих политические коннотации.

25. От лат. *simulatio*—видимость, притворство, имитация. В современных европейских языках словом «симуляция» обозначается не только имитация, подражание вообще, но в первую очередь имитирующее представление функционирования какой-либо системы или какого-либо процесса средствами другой системы или другого процесса (например, компьютерная симуляция производственного процесса). Так же симуляцией именуется изучение какого-либо объекта, недоступного прямому наблюдению, посредством «симулирующей» модели. В русском языке и в том, и в другом случае употребляется слово моделирование. Что же касается «симулякра», это слово, однокоренное с *simulatio*, обозначающее образ, репрезентацию чего-либо или какое-либо несубстанциональное, несущностное сходство предметов или явлений.

Для Лиотара постмодерн — отрицание тоталитаризма. Тоталитаризм здесь надо понимать не в политическом, а в теоретическом смысле, в смысле отказа от идеи целого (лат. *totum* — все, целое, совокупность, *totaliter* — все, полностью), которое целиком и полностью определяет части. Лиотар констатирует, что описания общества как целостности, тотальности, независимо от того, как оно «оформлено», представляется все более и более неадекватным по причине утраты в современном мире доверия к *метанарративам* (метапověствованиям). Метанарративы — это всеобъемлющие теории, например, теория социальной эволюции, или теория закономерного чередования социально-экономических формаций, или учение о том, что целью общества является удовлетворение потребностей его членов, или доктрина о целом, предшествующем частям и их, части определяющем и т. д. Отличительным признаком и теоретической, а так же и социальной функцией метанарратива является *дедущификация* (если речь идет о теории) или *навязывание* (если речь идет о мире социальной деятельности), соответственно, теоретических решений или форм поведения, которые диктуются заранее принятым способом видения целого. Метанарратив предполагает телеологию, то есть идею смысла и цели целого, которая оправдывает, обосновывает, легитимирует насилие в обществе и использование знаний для целей насилия.

Современный мир разрывает с метанарративами, на их место приходит множество *партикулярных* нарративов. В метанарративе, по идее, каждая мельчайшая деталь жизни общества могла быть локализована и осмыслена в свете смысла и цели целого, то есть помещена на свое специфическое место внутри целого. Метанарратив в принципе дифференцирует мир, структурирует его, вырабатывает последовательности и иерархии. В случае множества партикулярных нарративов единая структура отсутствует. Самые разные нарративы могут соседствовать друг с другом и претендовать на равный когнитивный статус. Скажем, теория относительности будет соседствовать с буддистской доктриной или учением о том, что мир покоится на трех слонах, а те стоят на огромной черепахе. Зато это мир свободного выбора, чуждого насилию (дедукции или навязыванию). Будучи соединенной с витгенштейновской теорией языковых игр, концепция кризиса метанарративов может рассматриваться как философское обоснование практики политкорректности. А если добавить сюда бодрыйяровские идеи о господстве симулякров и исчезновении противоположностей, то постмодерн прямо начинает выглядеть *философией политкорректности*.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

От философии переходим к социологии политкорректности. Речь пойдет прежде всего об общественном мнении. Его, так сказать, центром (если можно применить здесь пространственные метафоры) являются масс-медиа. К ним примыкает партийная (парламентская) политика, с одной стороны, и неформальные сети коммуникаций, наполненные эмоциями, слу-

хами и разрозненными обрывочными сведениями, то есть гражданское общество, — с другой. Масс-медиа и гражданское общество (в указанном здесь смысле) — формы проявления общественного мнения в его *текущем, изменчивом, формирующемся* состоянии. Оно *фиксируется* в социологических опросах. Опросы дают «срез» общественного мнения на определенный момент времени. Разного рода выборы и референдумы — это тоже «срезы», которые принципиально не отличаются от социологических, но в силу определенных причин — сплошная выборка, электоральная мобилизация, заставляющая человека более ответственно, чем всегда, отнестись к своему мнению, и особый институциональный статус выборов, — рассматриваются не как обыкновенный сиюминутный «срез», а как некая *долгоживущая структура* идей, устремлений и т. д., то есть всего того, что понимается под общественным мнением. Это иллюзия, потому что общественное мнение по самой своей природе текуче и изменчиво. Уже на следующий день после волеизъявления оно другое. Принимать какое-то определенное изъяснение общественного мнения как руководство к действию на долгий срок — это логический нонсенс. Всерьез относиться к тому, избирать ли президента на четыре года или на пять лет, довольно нелепо. Строго говоря, президент должен избираться заново каждое утро, но поскольку это невозможно, легитимным считается президент, избираемый раз в несколько лет.

Это одно из неистребимых внутренних противоречий, лежащих в самом фундаменте демократической процедуры и превращающих демократию в чистую условность. Другое и не менее важное противоречие заключается в квалификации, точнее, в отсутствии квалификации мнений, составляющих в своей совокупности общественное мнение. Потому что его полным и последовательным выражением, его совершенной институциональной формой считается процедура свободного демократического голосования: один человек — один голос, — причем абсолютно не важны ни обоснованность, ни прочие эпистемологические, психологические, социологические и любые другие качества высказываемого мнения. Важно отметить, что в текущей практике формирования и выражения общественного мнения, то есть и в медиа, и в разных неформальных обсуждениях, составляющих тело гражданского общества, мнения именно *квалифицируются*, то есть к ним предъявляются определенного рода требования, без выполнения которых они не выйдут на публику. Например, мнение, публикуемое в газете, должно быть грамотно сформулировано, рационально аргументировано, обладать хотя бы минимальной социальной или политической определенностью. В неформальном обсуждении также минимальным требованием будет логичность выражения и контекстуальная определенность. При этом мнения квалифицируются также и в отношении лица, его высказывающего. В медиа есть лица, слышущие экспертами. Одних уважают, других — нет, но как минимум к их мнению прислушиваются. Мнение ученого эксперта в медийном пространстве (а это значительная часть пространства общественного мнения как такового) всегда будет весить больше, чем мнение хрестоматийного и пародийного Васи Пупкина. Даже в неформальных раз-

говорах и обсуждениях, где формальные статусы совсем не принимаются во внимание, имеются так называемые лидеры мнений, соображения которых группа оценивает выше, чем соображения любого другого сочлена. И только в самых важных и судьбоносных изъявлениях общественного мнения квалификация отсутствует. Один человек — один голос. Голоса не квалифицируются и не взвешиваются. Это принципиальный момент. Кто бы ни явился на избирательный участок, если он не лишен дееспособности судом, он получит бюллетень и проголосует. Он, может быть, не знает, что на весах, не знает толком, за что голосует, он даже бюллетень выговаривает как «булютень». Но его слабый голос при определении стратегии государства весит ровно столько же, сколько голос умудренного политика, ученого, бизнесмена.

Это второе важное внутреннее противоречие демократической процедуры. Говорить об этом не принято. Принято политкорректно молчать, потому что за плечами века борьбы за право каждого отдать свой голос на выборах. Хотя если рассуждать логически, право каждого отдать свой голос не должно мешать взвешиванию голосов в зависимости от, скажем, возраста голосующих, их дохода, образования, семейного положения, уровня социальной ответственности и т. д. Иначе получается так, что *уравниловка*, отвергаемая всеми передовыми борцами в сфере экономики, доходов и образа жизни, становится стратегическим принципом при выработке судьбоносных политических решений, которые неизбежно будут влиять на экономику, доходы и т. д.

Это два глубочайших внутренних противоречия демократии. Следствием первого из них становится иллюзорный характер демократической легитимации. Президент, избранный на всеобщих выборах, считается легитимным президентом следующие пять лет. Основанием для этого служит состояние общественного мнения на какой-то конкретный момент времени несколько лет назад. То есть мы имеем дело с легитимностью, имевшей место быть такого-то числа такого-то месяца такого-то года. Все последующие пять лет эта легитимность является чистой условностью, что, кстати, сплошь и рядом демонстрируют социологические срезы общественного мнения. Следствием второго из этих противоречий оказывается неквалифицированный массовый выбор, что неизбежно отражается на качестве избираемого. Мысль о том, что другие способы выбора правителей еще хуже, высказанная, как считается, Черчиллем, мало утешает.

Эти противоречия можно объяснить генетически. Немецкий философ Гельмут Шпиннер писал, что общественное мнение (в терминах Шпиннера: конституционно-правовой порядок) ведет свое происхождение от организации взаимодействия ученых в классической науке эпохи модерна²⁶. Мы можем назвать это *сходством коммуникативной структуры общественного мнения и науки эпохи модерна*. Задачей науки является *свободное* изготовление

и распространение знаний, что осуществляется путем исследований и публикации результатов, невзирая на лица, на чуждые науке интересы, практические затруднения деятельности, воздействия властей и т. д. Полученные результаты ученый *обязан* сделать всеобщим достоянием. Универсализм науки состоит не только в том, что полученные ею результаты имеют всеобщий характер, но и в том, что они являются всеобщим достоянием. Галилей настаивал на том, что «она вертится», вопреки воле церкви и под угрозой смерти. Было бы странно, если бы Ньютон стал вдруг скрывать, что «действие равно противодействию». Множество работ, как, например, «Новый органон» Френсиса Бэкона, демонстрировали принципы *коммунизма знаний*, господствующего в рамках научного сообщества. Разумеется, нельзя считать, что эти ценности всегда реализовывались в науке в их абсолютно чистом виде. Речь идет об идеально-нормативной структуре научного сообщества, а если подойти к делу методологически, то об идеально-типическом его образе. Реальные процессы во многом не совпадали, а уж тем более, не совпадают сейчас с идеальным типом. Но важно подчеркнуть, что парадигма *республики ученых* явилась в свое время образцом, на который ориентировалось как понимание роли *гражданина*, так и создание демократических политических учреждений. К концу XVIII — началу XIX вв. по образцу «республики ученых» сложились в основных чертах пресса, партии и гражданское общество, образовав коммуникативную структуру, которую еще через полтора столетия Юрген Хабермас определил как *публично организованную общественность*. Ее главные правила и принципы воспроизводили в основном правила и принципы, которыми руководствовалось сообщество ученых эпохи раннего модерна.

Именно поэтому первое и главное правило, конституирующее общественное мнение, состоит в том, что это *род знания, изначально являющегося общественным достоянием*. В этом общественное мнение совпадает с научным знанием. Можно напомнить, что знание отнюдь не всегда является таковым. Наоборот, оно часто скрывается как от широкой публики, так и от специально заинтересованных в нем лиц, бывает секретным, закрытым, эзотерическим и т. д. Кроме того, оно может обладать экономической ценностью и становиться предметом купли-продажи. К общественному мнению это все не относится. Его составляют знания, которые не только не скрываются, а наоборот, пропагандируются и не только не продаются, но, наоборот, иногда даже силой навязываются потребителю. Пространство общественного мнения — это пространство *выражения*, а не сокрытия знаний.

Но в то же время знания, которые могут быть квалифицированы как общественное мнение, отличаются от научного знания. В случае общественного мнения речь идет исключительно о *повседневном знании*, то есть о мнениях, взглядах, точках зрения, суждениях, мировоззрениях и позициях, для которых не характерны квалификационные признаки научного знания: *истинность, обоснованность, рациональность и др.* Это, в нашей классификации, — второе правило общественного мнения. Мы говорим, что общественное мнение похоже на классическую науку в своей публичности

26. Spinner H. Die Wissensordnung. Ein Leitkonzept für die dritte Grundordnung der Informationszeitalter. Opladen, 1994.

и открытости. Но оно противоположно науке в том, что касается его квалификационных признаков. Суждения и позиции, формулируемые в рамках общественного мнения *не обязаны* быть истинными, рациональными, обоснованными и т. д., хотя и *могут* быть таковыми. Общественное мнение — не наука и на научность, как правило, не претендует. При этом не должен обманывать тот факт, что выражение знания, функционирующего в рамках общественного мнения, может принимать внешне наукоподобный характер: могут организовываться «школы», «академии» (будь то партийные, политические, оздоровительные, астрологические и т. п.), могут читаться систематические лекции, проводиться экспертные оценки — все равно это будет повседневное знание. В одной из книг я анализировал признаки повседневного знания и пытался выяснить его главные характеристики²⁷. Во-первых, оно всеохватно, то есть включает в себя практически все, что актуально и потенциально входит в мир индивидуума, то есть все, что «*релевантно*» для него (за исключением сферы его профессиональной деятельности как эксперта). Во-вторых, оно имеет практический характер, то есть формируется и развивается не ради самого себя (как научное знание, определяемое идеалом «науки для науки»), а в непосредственной связи с реальными жизненными целями. В-третьих, главной его конститутивной характеристикой является его нерелексивный характер: оно принимается на веру как таковое, не требуя подкреплений, систематических аргументов и доказательств. Получение и высказывание знаний именно такого рода и становится предметом регулирования в рамках общественного мнения.

Из коллективной принадлежности этих знаний вытекает полная свобода для каждого распоряжаться знаниями как своими собственными, так и чужими, вращающимися в этой сфере. Это можно назвать третьим правилом общественного мнения: общественное мнение — это *порядок, устанавливающий и реализующий принципы свободы слова как максимально неограниченной свободы выразить, воспринимать и критиковать знания*.

Четвертое и пятое правила, которые в определенной степени вытекают из трех первых, можно описать как принцип равнозначности всех мнений и точек зрения и как норму свободного доступа к ним. Принцип равнозначности (четвертое правило) подразумевает *отсутствие всяких квалификационных требований к «качеству» мнения (истинность, содержательность, эмпирическая обоснованность и т. д.)*. Принцип свободного доступа (пятое правило) подразумевает отсутствие формальных барьеров доступа к форуму мнений (например, доказательства права высказать свое мнение или требования обосновать его). Эти последние два правила серьезно отличаются от правил, конституирующих научное сообщество. В рамках последнего, конечно, допустимо только квалифицированное мнение. Это во-первых. Кроме того, научное мнение, в отличие от того, что сказано в правиле пятом, *нужно обосновывать*. Эти отличия от парадигматического образца (научного сообщества) с самого начала породили определенные трудности, на преодоле-

ние которых в общественном мнении понадобились века политической борьбы.

История говорит о разных способах решения этой проблемы по мере становления общественного мнения. Они сводятся (а) к попыткам эпистемологической квалификации знаний, допускаемых в сферу свободной циркуляции; (б) к попыткам их квалификации с точки зрения своеобразно понимаемой обыденной социологии знания и (в) к попыткам их морально-этической квалификации. К первому и второму способам относится введение разного рода цензов и ограничений (ценз оседлости, имущественный ценз, возрастной ценз, дискриминация по полу, гражданству, национальной или этнической принадлежности и т. д.), применяемых в отношении лиц, имеющих право на выражение своих знаний, то есть, скажем, имеющих право голоса в принятии важных решений на общегосударственном или локальном уровне. При этом практиковались своего рода повседневные антропология и социология знания, основанные на нерелексивных квазитеоретических предпосылках обыденной жизни. Так, долгое время считалось, что женщины по своей когнитивной и эмоциональной конституции не способны формировать истинное, обоснованное и разумное мнение, то есть можно сказать, женщины являются эпистемологически ущербными существами — эпистемологическими инвалидами. Понадобились долгие десятилетия борьбы за всеобщность избирательного права пока, наконец, женщины не были допущены к избирательным урнам. Такого же рода мнения выражались в отношении чернокожих. До сих пор нельзя считать полностью разрешенным вопрос о том, каков нижний *возрастной* предел когнитивной зрелости. Это относительно эпистемологической квалификации знаний. Также имели и имеют хождение множество теорий повседневной социологии знания, предполагающие, например, что верное (истинное) мнение об интересах общества или локальной общины могут иметь только те граждане, что прожили в данном государстве, городе или поселке не менее определенного количества лет (в случае *ценза оседлости*), или только те, что обладают недвижимым имуществом на данной территории (*имущественный ценз*), или только принадлежащие к «титальной» национальности. При этом предполагается, что мнения лиц, не принадлежащих к названным категориям, относительно интересов общества ложны — либо потому, что они недостаточно интегрированы в социальную общность, либо потому, что они ориентированы на интересы другой общности.

Поясним, что такая квалификация мнений есть квалификация по критерию социологии знания, потому что в приведенных аргументах содержится предпосылка о воздействии социальных условий на содержание и на истинность знаний — то, что Карл Мангейм вслед за Карлом Марксом называл «привязанностью мышления к бытию» (*Seinsgebundenheit des Denkens*). В принципе классическая социология знания содержательно не очень далеко ушла от повседневных теорий. Маркс закрепил право на истинное знание интересов общества за одним социальным классом — пролетариатом; это имущественный ценз наоборот: истину знает тот, кому нечего терять кроме своих

27. Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004.

цепей. Буржуа были объявлены эпистемологическими инвалидами, вроде женщин, но не по психофизиологическому критерию, а по критерию, выведенному из социологии знания. То же самое у Мангейма: только здесь было «нечего терять» интеллигенции, которую он считал свободной от всякого рода корыстных интересов и потому именовал *свободно парящей интеллигенцией*. Но Мангейм не выдвигал требования о лишении всех, кроме интеллигенции, права голоса в административном порядке, и за такую непоследовательность и нерешительность подвергался критике со стороны марксистов. Сами же они — не Маркс, а его последователи, советские марксисты — сделали совершенно логичный правовой и организационно-политический вывод из марксовской социологии знания, лишив в 1920-е гг. права голоса всех представителей так называемых эксплуататорских классов. Кроме того, все годы советской власти эпистемологическими инвалидами считались все западные философы, социологи, историки и т. д., что прямо и открыто утверждалось в тысячах и миллионах официальных и неофициальных суждений как в пропаганде, так и в научной литературе. Они были даже не эпистемологическими инвалидами, но эпистемологическими уродами, ибо не просто страдали от отсутствия истины, но выдавали за истину уродливые порождения своего духа.

Попытки введения разного рода цензов и цензур всегда были попытками выработки *системы самокоррекции* общественного мнения, подобной той системе самокоррекции, которая имела в академическом сообществе, бывшем его прообразом. Там это система *критики знаний*. Но критики, опирающейся на четко сформулированные эпистемологические критерии. Введение таких научных критериев в общественное мнение привело бы к разрушению самих его конститутивных принципов. Поэтому в конце концов всякие попытки создания системы критики в рамках общественного мнения были отброшены и утвердилась идея, согласно которой в этой сфере допустимы *все* мнения. Один человек — один голос независимо от того, что этот голос произносит.

НАУКА — ЖЕРТВА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Главным орудием Просвещения стала публичная дискуссия, ведущая к созданию разумных законов. Это благодаря борьбе мнений, когда каждый готов позволить своему противнику убедить себя путем рациональной аргументации. Здесь на первом месте — рациональность. Наука, как сказано, была идеалом общественного устройства, а ученый во всей полноте его качеств и удовлетворяющий всем эпистемологическим требованиям — идеалом гражданина. В этом просвещенном мире, однако, стало темнеть уже в XIX столетии. Либерализм не сумел ответить на вызовы социализма и массовой демократии. Рациональная аргументация была бессильна перед пропагандистской машиной, дискуссии умолкли в условиях диктатуры, публичность превратилась в массовость. Но нельзя сказать, что демократия перестала удовлетворять требованиям научности, не выдержав железной поступи дик-

татур и разжижения мозгов, свойственного состоянию ума граждан массовых демократий. Сама наука изменилась и оказалась уже не в состоянии выступать образцом демократии.

Мы говорили, что реальные процессы жизни научного сообщества во многом не совпадали с идеальным типом. Кроме того, сама парадигма академического сообщества претерпевает изменения как с точки зрения её функциональных отношений с широким обществом, так и в своем внутреннем строении. Соответственно, меняется его роль — оно перестает быть парадигматическим образцом общества вообще. По мере дальнейшего развития его место и роль в обществе менялась. Из универсальной парадигмы оно превращалось в один из элементов — и нельзя сказать, что самый значимый, — плюралистической организации знаний.

Параллельно процессу изменения места науки в обществе идет процесс размывания ее прежде стабильных норм. Во-первых, по мере роста масштабов исследований и превращения научных лабораторий в грандиозные фабрики по производству знания прежняя вольная «республика ученых» превращается в высокоорганизованную корпорацию с бюрократическими структурами, четкой иерархией, разделением функций и секторов ответственности. Это ведет к изменению нормативной среды, прежде всего, к подавлению критики, которая не только затрудняется в силу возникновения жестких бюрократических иерархий, но и фактически становится почти невозможной по причине глубокого разделения функций в ходе исследований. «Соседние» аспекты исследования изначально оказываются закрытыми для коллег. Во-вторых, главный персонаж классической модели академического порядка — ученый, исследователь, университетский профессор, творящий одиноко и свободно, исчезает со сцены; на его место приходит энергичный и деловитый, включенный в сеть властных, экономических и прочих интересов научный менеджер. Классический ученый — космополит, как космополитична и наука вообще, ибо научные проблемы имеют всеобщий характер и не знают национальных границ. Современный научный менеджер, вплетенный в сеть властных отношений, не может не принимать в расчет как национальной, так и локальной политики, в результате чего его сознание становится ареной конфликта между универсальными высшими интересами науки и партикулярными интересами общественных сил.

То же самое происходит и в отношении экономических интересов. Коммерциализация науки и ее связь с промышленностью превращают результаты исследования в товар. Знание перестает быть общественным достоянием — достоянием всего человечества, как в классической республике ученых, а становится частной собственностью (автора, заказчика, государства), что практически выводит его за рамки академического порядка задний, который в результате начинает, конечно, разрушаться.

В конце концов ученый оказывается перед лицом трудно разрешимой дилеммы, которая, как это ни парадоксально звучит, не является дилеммой в рамках норм академического порядка: ориентироваться ему в своей научной деятельности на свободный рынок или на бюрократические иерархии? Воз-

никает и другая дилемма: чем является для него наука — призванием или службой? Параллельно вопросам, которые возникают перед отдельным ученым, самому академическому сообществу, а также регулирующим и планирующим науку организациям приходится разрешать такие же дилеммы: развивать академическое самоуправление или, наоборот, переводить науку под управление бюрократических организаций? Как определять стратегию исследований: исходя из целей чистого познания или из интересов лиц и инстанций, финансирующих исследования? Публиковать все, как того требует научная этика, или «секретить» данные по политическим, да и экономическим соображениям? Как бы ни решались эти вопросы в каждом конкретном случае, тенденция состоит во все более активном проникновении в науку норм и принципов, характерных для совсем иных сфер жизни и деятельности. В лучшем случае дело идет об усложнении отношений между академическим и другими (бюрократическим, военным, экономическим, правовым и прочими) сообществами и принципами организации знаний. В худшем — о разрушении классического академического сообщества, основанного на приведенных выше принципах, и о формировании на его месте какой-то новой организации или о замещении академического сообщества другими (например, названными выше в скобках). Описанная маргинализация науки стала одним из знаков наступления новой социокультурной эпохи — постмодерна, для которого характерен, помимо прочего, и когнитивный плюрализм. Наука — в соответствии с её новым местом в обществе — перестала давать общезначимое, обоснованное, объективное знание. В «славном новом мире» постмодерна она стала одним из многих возможных, равно ценных — стоящих наряду, например, с магией, религией, идеологией, искусством и масс-медиа — источников знания.

Этот процесс постепенной деградации науки представляется вполне естественным в свете постепенного расхождения ее принципов и принципов общественного мнения (= политической корректности), которое было с ней когда-то «списано». Наука не готова дать расцвести ста цветам, поскольку строгие правила квалификации научных суждений основаны на принципе их истинности. Каждая теория и каждое высказывание в рамках науки должны быть либо истинными, либо неистинными. Они не могут быть немножко истинными и даже частично истинными. Наука не может, оставаясь наукой, руководствоваться принципом терпимости. Суждения, которые можно «терпеть», будучи с ними несогласным — это не из области научных суждений.

В постмодернистской философии, в частности, у Лиотара, наука проходит по разряду языковых игр²⁸. Согласно концепции языковых игр, ника-

кая теория не в состоянии понять язык в его целостности, разве что она сама является одной из языковых игр. Так же, считает Лиотар, надо подходить и к метанарративам: каждый из них — языковая игра, являющаяся одной из множества языковых игр. Таким образом, спекулятивные метаповествования релятивизируются. Сами они претендуют на объективное описание явлений. Лиотар же хочет рассматривать каждое из них как языковую игру, правила которой могут быть вычленены путем анализа способов соединения предложений друг с другом. Пример — языковая игра «наука». Вот ее правила: (1) в качестве научных допускаются только дескриптивные суждения; (2) научные суждения по существу отличаются от нормативных суждений, например, идеологических, которые только и используются для легитимации всякого рода гнета и насилия; (3) компетентность требуется только от того, кто формулирует научные суждения, а не от того, кто их принимает и использует; (4) научное суждение существует как таковое лишь в системе суждений, которая подкреплена аргументативно и эмпирически; (5) из предыдущего ясно, что языковая игра «наука» предполагает знакомство ее участника с современным состоянием научного знания.

Из всего этого следует, что научная игра не требует теперь метанарратива для цели собственной легитимации. Правила её имманентны, то есть содержатся в ней самой. Для того чтобы вести ее успешно, конкретному ученому вовсе не нужно добиваться освобождения от кого-то или чего-то, а также не нужно демонстрировать «прогресс» знания. Достаточно того, чтобы его деятельность была признана соответствующей правилам игры, то есть признана в качестве научной деятельности другими представителями ученого сообщества. Наука, таким образом, оказывается самоподдерживающимся или самореферентным предприятием, не нуждающимся в каком-то внешнем по отношению к ней самой оправдании или обосновании. Как и в отношении всякой игры, вопрос о том, почему в неё играют, — не существенен. Можно играть в науку, можно играть, например, в лото или в вуду — кому что нравится! Возражать на это, сказав, что наука дает объективное знание, которого не дает вуду, бессмысленно. Потому что, во-первых, возразят, сказав, что объективность науки существует лишь в рамках её собственных правил и предпосылок, то есть в её научном метанарративе, а во-вторых, обвинят в расизме, расиализме и презрении к локальным культурам, воплощающим в себе тысячелетнюю мудрость человечества. Причем все это будет делаться по телевизору или с применением интернета, которые построены явно не по правилам вуду. *Для политкорректности важна не истина, а терпимость, как уже было сказано выше. Для науки важна не терпимость, а истина.* Терпимость может быть характерна для отдельного ученого, но она невозможна для науки. Нетерпимость к ложным суждениям и связанная с этим постоянная обязанность критики знаний — это ее конститутивный принцип. Поэтому, как я старался показать выше, политкорректный университет — это *contradictio in adjecto*. Это с точки зрения логики, а на деле практически все современные университеты — политкорректные университеты.

28. Людвиг Витгенштейн ввел понятие языковой игры, чтобы показать, что значение слов возникает из контекста их применения. Изменение контекстов меняет значения слов. Значение конкретного слова возникает в ходе «игры» из сочетания и соотношения нескольких контекстуальных значений. В более широком смысле под языковой игрой Витгенштейн понимал «жизненную форму», то есть сочетание некоторых правил установления значений с социально-исторической практикой, элементом которой они, эти правила, являются. См.: Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994.

Любопытно, что, взяв от классической науки принцип публичности и открытости, общественное мнение (= буржуазная общественность) отказалось от свойственного науке принципа критики знаний. И это обусловило, во-первых, деградацию науки и её переход на роль одного из многих равноправных и, так сказать, равноудаленных от общества и государства когнитивных институтов, и во-вторых, эволюцию общественного мнения в направлении политкорректности. Марксова попытка создать идеологию как науку провалилась и стала сейчас мишенью гнусных насмешек и издевательств. Вместе с тем это была едва ли не последняя попытка восстановить утрачиваемую на глазах связь общественности (= общественное мнение) с наукой, то есть *mutatis mutandis* с истиной. Сейчас общественное мнение — это арена демонстрации терпимости и политкорректности. *Политкорректность, постмодерн и общественное мнение* — это, говоря словами поэта (хотя и сказанными по совсем другому поводу), *близнецы-братья*. Из всех точек зрения и идеологий, представленных в современном общественном мнении, политкорректность — самая мощная, и она, собственно, диктует основные его, общественного мнения, принципы:

(1) в нем должны быть равномерно и полно представлены все существующие в обществе точки зрения, позиции и идеологии;

(2) запрещается к какой-то из этих позиций относиться неуважительно и дискриминационно, независимо от ее зрелости и обоснованности;

(3) наука не может быть представлена в общественном мнении как одна из приемлемых позиций и точек зрения, ибо она есть носитель нетерпимости — *единственного, что нетерпимо в политкорректном обществе*.

Таким образом, произошло, можно сказать, окончательное отделение общественного мнения от его раннего прообраза — сообщества ученых. Продолжая далее разговор об общественном мнении, обратимся к тому, посредством каких механизмов осуществляется формирование политкорректного общественного мнения.

КАК РАБОТАЕТ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ. СПИРАЛЬ МОЛЧАНИЯ

Сейчас кажется без всяких доказательств ясным, что чем менее массовая демократия учитывает мнение отдельного человека, тем сильнее становится давление общественного мнения на индивида и его мысли. На эту тему высказывались многие, но первым это понял и точно выразил Алексис де Токвиль. Его наблюдения американской демократии в этом отношении актуальны и поныне. Раньше — до эпохи модерна, до Просвещения, до рождения общественности, — формируя собственное мнение, человек ориентировался на неписанный моральный обычай, на закон Божий или, по крайней мере, на законы государства. В современном мире эти традиционные ориентиры и опоры человеческого суждения утратили свою значимость, и их место заняло общественное мнение. Поэтому человек в массовой демократии без сопротивления уступает общественному мнению. В результате введенными в заблуждение оказываются и те, кто создают общественное мнение, и те,

кто на него ориентируются. В процессе формирования общественного мнения общество как бы обманывает само себя. Именно это явление описывал Токвиль, говоря, что «люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана»²⁹.

По Токвилю получается так, что общество порождает молчание именно тем, что само высказывается: высказавшись, оно фактически исключает альтернативные мнения. Те, кто не согласны, молчат, поскольку не хотят оказаться в меньшинстве, а поскольку они молчат, большинство чувствует себя еще большим, чем оно есть на самом деле, а молчащее меньшинство — еще меньшим, чем оно есть на самом деле. И дело здесь не в боязни репрессий, преследований инакомыслящих и т. п. Их не было, этих репрессий. Токвиль описывает вполне демократическую среду. Дело в характерном страхе перед изоляцией, когда человек боится быть отвергнутым большинством. Этот страх вечен, как само человечество, и ведет свое происхождение от древних времен, когда изоляция от группы, от племени, от рода могла обречь человека на смерть.

Токвиль описал это явление в 30-е гг. XIX в., а немецкая коммуникативистка и социолог Элизабет Ноэль-Нойман в 60-е гг. XX столетия детально изучила его и дала ему имя «спирали молчания». Если подытожить ее размышления на эту тему, то «спираль молчания», по Ноэль-Нойман, это явление, состоящее в сокрытии индивидами собственного мнения в случае, если оно заведомо отличается от мнения большинства, во избежание последующей социальной изоляции, при том, что индивиды, стоящие на позициях большинства, демонстрируют свое мнение открыто, что делает последних по видимости сильнее, а первых — слабее, чем они есть на самом деле.

Э. Ноэль-Нойман — социолог, и ее концепция «спирали молчания» родилась в ходе социологических исследований и экспериментов. Так, «спираль молчания» тесно связана с так называемым «сдвигом последней минуты». Это когда индивиды под давлением общественного мнения резко меняют свое решение в последнюю минуту, то есть непосредственно в ситуации принятия решения. Для социологов понимание этого феномена крайне важно, потому что бывают ситуации, когда в ходе предвыборной борьбы все социологические данные показывают, что кандидат набирает, скажем, 10 или 15% голосов, а голосование дает ему 5 или 6%, потому что происходит тот самый «сдвиг последней минуты», когда очень многие избиратели под давлением превосходящего большинства меняют свою позицию прямо у избирательной урны. При равном количестве потенциальных избирателей у двух кандидатов мобилизация общественного мнения, прежде всего, при посредстве СМИ может вести к «сдвигу последней минуты» и победе одного из них, что

29. Ноэль-Нойман Э. Цит. соч.

совершенно невозможно предсказать социологически. Другим проявлением «спирали молчания» можно считать ситуацию, когда люди, проголосовавшие, скажем, за определенную партию или определенного кандидата в опросах на выходе из избирательного участка (так называемые экзит-полах) и вообще в разговорах после выборов называют другую партию или другого кандидата. Здесь тоже сказывается давление общественного мнения, но это не обязательно мнение большинства, проявившееся в результате выборов, поскольку те, кто постфактум корректируют свое решение, не всегда корректируют его в пользу победителя выборов. Называя своего фаворита, они часто ориентируются на мнение своего ближайшего окружения.

Ноэль-Нойман и ее коллеги обнаружили много частных интересных моментов. Они, например, показали, что независимо от убеждений одни люди охотно вступают в разговор, а другие предпочитают свое мнение «прятать». Это справедливо и относительно целых групп населения: более склонны публично обсуждать неоднозначные темы мужчины, чем женщины, молодежь, чем пожилые, представители элиты — более, чем представители низших слоев. Соответственно, был сделан вывод о потенциально большей успешности партий, ориентирующихся на молодых, успешных, богатых. Здесь действует та же самая «спираль молчания»: тот, кто говорит, оказывается в большинстве, а тот, кто молчит — в меньшинстве, и — парадоксальным образом — это говорящее большинство кажется тем больше, чем больше молчащих.

Теперь о мотивах такого поведения. Их несколько, один из них тот, о котором мы сказали выше, и который отмечал еще Токвиль — это боязнь *социальной изоляции*, так как сама природа человека побуждает его опасаться изоляции, стремиться к уважению и популярности среди сограждан. Более подверженными действию «сдвига последней минуты» и других эффектов, связанных со «спиралью молчания», оказываются как раз те, «кто чувствует себя изолированно в общении... Лица со слабым самосознанием и ограниченной заинтересованностью в политике тянули с участием в выборах до последнего момента»³⁰. Это замечательное наблюдение, показывающее, что часто «люди со слабым самосознанием и ограниченной заинтересованностью в политике» оказывают — благодаря эффекту последней минуты — решающее влияние на результат выборов, особенно если это выборы из приблизительно равносильных партий или кандидатов. В одном из предыдущих параграфов, рассуждая о внутренних противоречиях демократической процедуры, мы говорили, что священный лозунг демократии «один человек — один голос» фактически дает преимущество людям, в ограниченной степени осознающим необходимость и характер своего участия в выборах. Теория «спирали молчания» это подтверждает. Другим мотивом поведения, порождающего «спираль молчания», автор этой теории считает *подражание*: люди наблюдают поведение других, узнают о других, узнают о существующих возможностях и при удобном случае пробуют такое поведение сами. Однако главный мотив все же она видит в страхе человека перед

изоляция. Таким образом, оказывается, что «спираль молчания» имеет антропологическое основание. Это не чисто социальный феномен, его нельзя свести к какому-то конкретному обществу и к какой-то конкретной общественной системе. Она универсальна. И факт наличия «спирали молчания» в принципе подрывает авторитет общественного мнения в качестве критерия правильности как фактического, так и морального суждения, а уж тем более, суждения вкуса.

Ноэль-Нойман связывает «спираль молчания» с феноменом «плюралистического незнания», описанным американскими психологами Б. Латане и Дж. Дарли. Под именем плюралистического незнания понимается возможность того, что *большинство людей ошибается в своем суждении относительно мнения большинства людей*. Каждый думает: я не понимаю, что происходит, однако предполагаю, что все остальные понимают, что происходит. И эта ошибка затем мультиплицируется в *общественном мнении об общественном мнении*. Большинство обманывается относительно большинства. Здесь та же самая основа, что и в «спирали молчания» — в конечном счете основа самого общественного мнения в его интегрирующей функции в массовой демократии — страх перед изоляцией, страх быть отвергнутым большинством. Все это самоочевидно. Человек верит в то, во что верят другие, потому что они в это верят. И кто имеет по какому-то вопросу иное мнение, может изменить его, не теряя лица, если и пока он остается анонимом, то есть молчит. Из страха перед изоляцией человек постоянно следит за общественным мнением. Общественным оно называется именно потому, что человек может его высказать, не боясь попасть в изоляцию. Он, следовательно, постоянно следит за тем, как другие видят мир. А каждый из этих других постоянно следит за тем, как видят мир все остальные. В результате в каждом из нас вырабатывается некое квази-статистическое чувство, помогающее следить за мнением других — за тем, что «говорят». И если что-то «говорят», как мне представляется, многие, это и будет общественное мнение, к которому мне остается только примкнуть, тогда как другие, в свою очередь, рассматривают мое выраженное мнение как общественное мнение, к которому они также не могут не примкнуть. Получается, что общественное мнение — это самореперентная система, которая воспринимает самое себя как нечто, превосходящее самое себя и поэтому не подлежащее сомнению и критике.

Заслуживает внимания вопрос о природе *большинства*, мнение которого и выражает якобы общественное мнение. О нем упоминает Токвиль в приведенной выше цитате: «Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана». Что это за часть нации, которая выступает в роли большинства, точнее, от имени большинства? В любом обществе это мнение четко определенных меньшинств, как правило, некоторых групп элиты, а именно, правящих и ценностных элит, то есть тех, кто управляют обществом, и тех, кто подбирают аргументы и ходы мысли, легитимирующие это управление. Именно эта легитимирующая ортодоксия и есть выразитель и носитель политкорректных мнений. С этой точки зрения, «спи-

30. Там же. С. 37.

раль молчания» как раз и представляет собой *механизм осуществления политкорректности*. Когда мы уже знаем о спирали молчания, механизм кажется довольно простым. Ортодоксия высказывает определенные позиции. Люди привыкли вслушиваться в мнения «звезд интеллекта» и поэтому воспринимают их мнение как правильное, поскольку, как они (люди) полагают, так их (звезды) воспринимает большинство, поэтому люди боятся оказаться в изоляции в случае высказывания альтернативного мнения. Но главное, в процесс включены СМИ. Они обеспечивают статистику, необходимую для квазистатистического чувства, которое описано выше. Мнение «светочей разума», размноженное в газетах, переданное через радио и телевидение не оставляет сомнения в том, каково мнение большинства. Важнее всего, что публика разделяет мнения интеллектуалов о себе самой. Народ начинает видеть себя, а следовательно, и быть таким, каким его видят и о нем рассказывают интеллектуалы. Здесь срабатывает самореференция, о которой мы говорили выше. Разумеется, роль СМИ здесь решающая. Мы неоднократно подчеркивали, что общественное мнение не существует без и вне медиа. И само рождение общественного мнения на заре модерна совпало с появлением газеты. Именно медиа, пренебрегая определенными мнениями, делает большинство молчаливым и превращает мнение меньшинства в общественное мнение. Оно становится единственным господствующим мнением, которому каждый боится возразить из страха перед общественной изоляцией. Таков механизм формирования идеологии политкорректности, когда каждый имеет свое мнение на предмет, но вынужден выражать и выражает только общепринятое. Этот механизм и объясняет теория «спирали молчания».

КАК РАБОТАЕТ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ. ПОВЕСТКА ДНЯ

Так что, общественное мнение — это, по выражению Больца, «не то, что люди думают, а то, что люди думают, что люди думают». Масс-медиа придают общественному мнению формы, точнее, дают ему темы. «За» что-то будет человек или «против», — это каждому, хотя и в строго определенных рамках, предоставлено решать самому. Но нельзя самому признавать или не признавать тему в качестве *темы*. Какая тема сегодня важна и актуальная, решают СМИ. Это очень хитрая и даже мудрая стратегия. Ведь это вам не советская власть — в демократии никто не заставляет быть «за» или «против» чего-то. Наоборот, нам как бы говорят: мы ждем *вашего* мнения, именно оно решает. Ведь действительно на первый взгляд может показаться, что тема, в общем-то, и не так важна. Важно, кто принимает решение по этой теме. А это как раз я! Я самоутверждаюсь, становлюсь суверенным гражданином лишь тогда, когда могу, как древний римлянин, опустить большой палец вниз или поднять вверх, даровав кому-то или чему-то жизнь или, наоборот, обрекая на смерть. Это и будут мои «за» и «против». Но если задуматься, станет ясно, что мои «за» и «против» могут заранее программироваться в зависимости от темы, по которой мне предстоит высказываться. Одна тема гарантирует мое «за», другая — мое «против». Поэтому на каждых выборах важна

тема, с которой выступает кандидат, вокруг которой кипят схватки и ломаются копья, то есть формируются «за» и «против». Например, когда в 1996 г. страна выбирала между Ельциным и Зюгановым, СМИ старались увести на задний план тему Чечни, которая была априори проигрышной для Ельцина, а вывести на передний план тему «преступлений коммунистического режима». Поскольку электронные СМИ были в руках сторонников Ельцина, они сумели превратить голосование в референдум по поводу коммунистического прошлого. Если бы вопрос ставился так: готовы ли Вы выбрать президентом человека, который своими руками создал чеченский кризис и вверг страну в грязную и кровавую авантюру, то все бы сказали «нет, мы против». Но когда выборы превратились фактически в ответ на вопрос о том, хотят ли люди возврата назад — к пустым полкам магазинов, к парткомам и всевластию ЦК, то большинство, естественно, проголосовало против Зюганова и за Ельцина, ставшего преградой на пути «коммунистического реванша». То есть наш выбор фактически был *предопределен темой*, по которой нам надлежало высказаться, и которую нам фактически *навязали* СМИ.

Выработка масс-медиа темы или нескольких актуальных тем, представляющих собой *повестку дня* (по-английски *agenda*), называется *установлением повестки дня (agenda-setting)*, и для общественной функции масс-медиа это гораздо важнее, чем просто создание мнения. Путем формирования повестки дня общественному мнению навязываются определенные *схемы* протекающих в мире процессов. Собственно общественное мнение оказывается состоящим из таких схем, которые поочередно в разных сочетаниях выдвигаются на передний план дискуссий в обществе, то есть становятся актуальными темами повестки дня. Ясно, что выработка повестки дня — это манипуляция общественным мнением. То, что масс-медиа манипулируют общественным мнением, — это само по себе схема, присутствующая в общественном мнении. В сознание зрителя, слушателя, читателя СМИ впечатывают не мнения, как таковые, а схемы, относительно которых формируются мнения, сводящиеся в конце концов к щелчку переключателя в мозгу: «за» / «против».

Важно, что повестка дня, то есть темы, подаваемые СМИ как важнейшие на сегодняшний день, — это отнюдь не всегда *объективно* самые важные темы. Чтобы понять, почему и как это происходит, нужно сделать краткий экскурс в историю. Само это явление открыли в 70-х гг. прошлого столетия американские социологи Максуэлл Маккомбс и Дональд Шоу. Они как раз и ввели два этих понятия: «повестка дня» как набор сюжетов и проблем, считающихся наиболее важными в тот или иной отрезок времени, и «установление повестки дня», т. е. внедрение данного набора в сознание аудитории³¹. Довольно скоро выяснилось, что повестка дня — это сложное явление, не сводимое к темам, которые пропагандируют СМИ. В дальнейших работах Маккомбс, Шоу и другие социологи выделяли целый ряд «повесток»: «публичная» повестка дня, которая не совпадает с повесткой дня СМИ (например,

31. McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. № 2. P. 176–187.

безработица, которая затрагивает многих и отражается на всех людях, хотя она может в данный момент не привлекать внимания СМИ), «внутриличностная» повестка дня, которая охватывает самые важные для самого индивида проблемы, «межличностная» повестка дня, то есть набор проблем, актуальных для малой группы, к которой принадлежит индивид, ну и наконец, воспринимаемая общественная повестка дня (*perceived community agenda*), то есть представления индивида о том, какие проблемы являются самыми важными для сообщества, к которому он принадлежит. В результате возникло представление об иерархии критериев отбора тем как важных и заслуживающих внимания и о взаимодействии уровней этой иерархии при формировании «публичной» повестки дня. Сама же «публичная» повестка дня оказалась медиа повесткой, «достроенной» и скорректированной с участием и в ходе взаимодействия всех указанных выше частных повесток³².

Но подлинный сдвиг в изучении повестки дня произошел, когда началось сравнение медийной и публичной повесток с реальным состоянием дел. Ясно, что реальное состояние дел — это очень двусмысленное понятие. Для его «улавливания» в каждой из проблемных сфер нужна целая система индикаторов. Но есть вещи, которые ясно показывает даже текущая статистика. Это касалось, например, проблемы наркомании: в то время как статистические данные о числе погибших от передозировки свидетельствовали о падении уровня наркомании, СМИ все активнее призывали к «войне с наркотиками», провоцируя общественную истерию по этому поводу. В результате в 1989 г. свыше 50% участников национальных опросов общественного мнения утверждали, что наркомания является самой острой проблемой Америки. Но уже к началу 1992 г. их доля сократилась до 4%, но не потому, что над наркоманией была одержана решительная победа, а потому, что СМИ потеряли к названной теме интерес, и она выпала из повестки дня (хотя реальное положение вещей практически не изменилось). Именно эти и подобные факты позволили сделать принципиальный вывод о том, что СМИ не отражают объективную реальность, а конструируют собственную³³.

Механизмы и инструменты медийного конструирования реальности обнаруживались (а) в рутинных методах получения и обработки информации в СМИ и в тесно связанных с ними внутренних требованиях к форме и содержанию медиа-продукта; (б) в структуре взаимоотношений СМИ с правительственными и другими инстанциями, составляющими среду их деятельности. Сначала к пункту (а): по определению профессора Олтейда из университета Аризоны, новости суть «продукт *организованного производства*, которое предполагает практическую точку зрения на события с целью связать их воедино, сформулировать простые и ясные утверждения относительно их связи и сделать это в развлекательной форме»³⁴. Собственно,

на редакционном конвейере, минуя одно за другим рабочие места сотрудников, продукт, если он не отбракован на каком-то из этапов, обретает окончательную форму, в которой он предъясняется глазам, ушам и сознанию читателей, слушателей и зрителей. Причем само событие, которому предстоит стать медийным событием, то есть медийным продуктом, не является нейтральным по отношению к медиа. Событие, то есть сырье, из которого рождается медийный продукт, должно соответствовать определенным критериям, чтобы попасть на редакционный конвейер. Тот же Олтейд с одним из своих коллег, пожалуй, первыми применили к событиям, которым предстоит (или, наоборот, не предстоит) стать предметом телевизионных новостей термин «формат»³⁵. Если событие отвечает редакционному формату, оно выйдет в телеэфир, если не отвечает, то не выйдет. У разных телеканалов и программ разные требования к формату. Отнюдь не всегда они где-то и кем-то формально прописаны. Чаще всего соответствие или несоответствие формату («формат» или «неформат») определяется интуитивно, причем не только теми, кто определяет редакционную политику и дает окончательное добро к выпуску продукта в эфир, или, соответственно, на газетную страницу (*gatekeepers*), но и с их подачи любым репортером.

Теперь о пункте (б), то есть о том, что характеризует взаимоотношения медиа как института с внешней реальностью в процессе формирования повестки дня. Ясно, что любая из общественных сил, понимаемая как группа интересов, стремится к максимально более полному выражению своей позиции и точки зрения в СМИ и при этом, естественно, принимает участие в медийном конструировании реальности, которая в результате может выглядеть как результат взаимного приспособления многочисленных позиций и точек зрения. Соответственно, и медийная повестка дня отражает плюрализм общественных стремлений и интересов. Но это идеализированная точка зрения. На практике все обстоит проще и грубее. Есть ньюсмейкеры, от которых зависят СМИ, и главные ньюсмейкеры ходят по правительственным коридорам. Главные ньюсмейкеры — это государственные чиновники и политики, которые в основном и сотрудничают со СМИ, вырабатывая медийную повестку дня. Дело, разумеется, не в том, что якобы власти «дают» на СМИ. Напротив, осуществляется полезный для обеих сторон симбиоз. СМИ получают место у источника новостей, чиновники получают публичный статус. А общество получает сформулированную медиа в сотрудничестве с властями повестку дня, которая фактически, как мы уже сказали выше, представляет собой какой-то или какие-то из актуализированных элементов набора схем, существующего как общественное мнение. Так что можно сказать, что государство является одним из важнейших, а скорее всего, важнейшим из агентов, формирующих медийную повестку дня. Но об этом мы еще будем говорить ниже.

Итак, повестка дня — это набор тем, формирующийся в соответствии с внутренними производственными потребностями медиа-предприятий

32. Подробнее см.: Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффе́кта к процессу // Полис. 2003. № 3. С. 109–119

33. Там же.

34. Altheide D. *Creating Reality: how TV News Distorts Events*. Beverly Hills, 1974. P. 112.

35. Altheide D., Snow P. *Media Logic*. Beverly Hills, 1979.

(редакций газет и журналов, радио- и телеканалов), а также с потребностями ньюсмейкеров, в частности, главного из них — государства, и это отнюдь не всегда и отнюдь не обязательно самые *объективно важные* темы дня. Как сказано выше, путем установления повестки дня СМИ навязывают обществу определенные схемы восприятия явлений и процессов, каковые (схемы) выступают в качестве общественного мнения в определенный период времени. Поэтому когда говорят, что следование общественному мнению лишает человека его собственного мнения, это значит не то, что я принимаю мнения других взамен собственного мнения, а то, что я некритически принимаю *темы*, которые предлагает общественное мнение в качестве важнейших тем дня. Мне не навязывают содержание моего высказывания, мне навязывают тему высказывания. Так, если главным пунктом повестки дня и, соответственно, главной общественной проблемой СМИ сделают ксенофобию и национальную вражду, то по каждому конкретному событию уже не будет существовать двух мнений. Будет одно мнение — мнение ортодоксии, с возмущением отвергающей неуважительное отношение к «братьям меньшим» из южных республик. Дальше включается механизм «спирали молчания», заставляющий молчать несогласных и создающий ощущение единства общественного мнения по этой проблеме.

Такое схематическое изображение процесса может показаться слишком мрачным и не соответствующим действительному разнообразию и пестроте нынешних медиа и плюрализму представленных в них точек зрения. Действительно, разве кто-то кому-то что-то навязывает или может навязать в ток-шоу на телевидении, где жестко схлестываются мнения, позиции и точки зрения иногда просто непримиримых политических противников. Причем иногда даже не ограничивается степень жесткости и прямоты высказываний. Но все эти публичные дискуссии лишь способствуют закреплению повестки дня. Медиа требуется, чтобы мнения не просто высказывались, а высказывались в интересной и привлекательной форме. То есть это требуется не медиа, а зрителям, и чтобы удержать зрителей, медиа организует политические дискуссии как увлекательные шоу. Критерий здесь — количество прильнувших к экрану зрителей и количество показов. Как Вы думаете, какое событие больше увлечет телезрителей: если Жириновский скажет, что ему не нравится политика Немцова, а Немцов — что ему не нравится политика Жириновского, или если оба прямо перед камерой выплеснут друг другу в лицо воду из стаканов? Правильно, последний вариант наверняка увлечет зрителя, и число показов этого славного события станет астрономическим. Новейший телевизионный стиль так и именуется *инфотеймент* — от *информейшн* и *энтертеймент*, что по-английски, как известно, означает информацию и развлечение. Собственно говоря, все эти увлекательные шоу, представляющие собой *инсценировки повестки дня*, где в исполнении якобы непримиримых политических противников разыгрываются темы, заданные повесткой дня. Да, налицо конфликт, налицо поляризация мнений, но тема та, что нужно, и это главное. Если вспомнить ту же ситуацию выборов 1996 г., то и там либералы насмерть рубились с коммунистами,

но только по теме советского коммунизма, а Чечня, как и другие невыгодные для Ельцина темы, не затрагивалась вовсе. Установление повестки дня — это не скучная советская пропаганда — это и независимые медиа, и новые политические технологии. Политики это отлично понимают и поэтому с удовольствием участвуют в политических шоу, инсценируемых медиа.

Заключая тему повестки дня, надо обязательно сказать о роли опросов общественного мнения. В демократии они играют огромную роль. Но глубоко неправ будет тот, кто сочтет, что путем опросов общественного мнения мы *узнаём* общественное мнение. Как будто бы эти опросы представляют собой просто статистику общественного мнения. Будто надо, мол, спросить у всех, что они думают по какой-то проблеме, и этот общий ответ как раз и будет общественным мнением, мнением народа, которое и должно стать руководством для правящих. На самом деле опросы не столько открывают общественное мнение, сколько его *формируют*. Во-первых, они выполняют базовую для общественного мнения функцию информирования людей о том, что выбрали другие, для того, чтобы они смогли определить линию собственного поведения. В рамках «плюралистического незнания» они показывают каждому, что все остальные имеют твердую точку зрения. Ознакомление с результатами опросов запускает механизм «спирали молчания». Во-вторых, опросы помогают политикам определить свою линию в избирательной кампании, ибо для этого они должны знать, что хотят услышать люди. В-третьих, сам факт задавания вопросов на определенную тему заставляет опрошенного считать эту тему важной и формулировать свое мнение именно по *этой теме*, то есть фактически соучаствовать в установлении повестки дня. В этом выражается самореферентность общественного мнения. «Спираль молчания» и повестка дня — два главных механизма становления и функционирования идеологии политкорректности, существующей в форме общественного мнения.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ НА ЭКСПОРТ

В определении политкорректности, данном на одной из первых страниц, я указывал на две главные функции идеологии политкорректности: она служит, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса. Что касается подавления инакомыслия и обеспечения ценностного консенсуса, то об этом сказано, на мой взгляд, более чем достаточно. Остается показать, как политкорректность служит легитимации внутренней и, прежде всего, внешней политики.

В классической модели демократии на первый план выходило представительство интересов всех самых разных и даже противоречащих в чем-то другу общественных сил, которое обеспечивалось принципом «один человек — один голос». Представительство с самого возникновения демократии считалось ее главным достоинством, но одновременно и одной из ее главных проблем. Оно, естественно, предполагает *дифференциацию*. Современная

массовая демократия, главной движущей силой которой является стремление к *уравнению* всего и вся путем максимального абстрагирования человеческих существ, ставит, естественно, отнюдь *не на представительство, а на легитимацию* путем завоевания популярности. Задача обеспечения демократии в техническом смысле меняется: поскольку политическая дифференциация, если не исчезает, то отходит на задний план, политические программы и тезисы становятся ненужными и не важными (их мало кто или вообще никто не читает и не обсуждает, в предвыборной суматохе они скучны и неинтересны), на первый план выходит завоевание голосов путем применения универсальных орудий маркетинга и пиара — в принципе, тех же самых, что используются в рекламных кампаниях потребительских товаров, но еще и специфических орудий политической рекламы. Кандидат — это тот же товар, рекламные стратегии различаются, но цель одна: больше голосов со всех возможных (политических) сторон. Представляет ли кандидат реально чьи-то интересы — не важно. Важно, что победивший кандидат — *легитимный* депутат, мэр, президент. Все это давно не секрет, об этом написано много работ. Это стандартная процедура продвижения программ и политик.

Но иначе обстоит дело в странах, где *массовая демократия*, уравнившая всех и сделавшая излишними партии как агенты представительства партикулярных интересов, точнее, сведшая их к роли сторон в инсценировке политических конфликтов, *не стала реальностью*, а реальностью, наоборот, являются глубокая дифференциация общества, состоящего из многих этнических и конфессиональных групп, кланов, профессиональных и других сообществ, часто с глубоко расходящимися целями и интересами. В этих странах конфликты между разными группами тянутся иногда веками, переходя из открытой, иногда вооруженной борьбы в подспудную тлеющую враждебность. Существующая в массовых демократиях норма демократического представительства «один человек — один голос» в таких условиях неприемлема, поскольку победа более многочисленной группы на выборах ничего не решает, ибо проигравшая сторона или стороны никогда не примут поражения на выборах, посчитав это недостаточным аргументом в пользу того, чтобы сложить оружие. Тем более, что очень часто победители на выборах стараются использовать свою победу для окончательного подавления противника, применяя для этого самые разные методы — психологические, экономические, административные, военные. Этого невозможно избежать, потому что в таких странах победа на выборах, в результате которой сменяется власть, неизбежно ведет не просто к смене политической (партийной) группы, как это бывает в массовых демократиях, а к смене господствующих этносов, кланов, родов, что меняет не только структуру власти, но часто и структуру экономики, и культурные традиции, то есть целиком жизнь в стране.

Можно было бы сказать — и часто говорят, — что всё это страны с иной политической культурой, и нужно время и усилия, чтобы демократия, первоначально чуждая, стала обычаем и привычкой. Действительно, культурные традиции играют здесь не последнюю роль, но еще важнее принципиально иной, чем в западных странах, характер социальной структуры. Именно социаль-

ная конституция этих во многом еще архаичных обществ требует иного рода представительства, носящего не массово-демократический, а *сословный*, либо *корпоративный* характер. Когда же в этих странах реализуется массово-демократическая модель, подменяющая представительство электоральной легитимацией, возможны три исхода. Первый — когда выборы, а затем и деятельность избранных политических органов осуществляются под явным или неявным управлением и контролем иностранных эмиссаров, — приводит к появлению управляемой, причем *управляемой извне демократии*. Второй — когда контроль извне ослабевает, — ведет к быстрому перерождению избранной квазидемократической власти в более или менее жесткую диктатуру. И третий — также, когда контроль ослабевает или вообще снимается, — ведет к ликвидации «ростков» демократии и к возвращению традиционных способов совместного существования (разные формы сословного и корпоративно-го представительства) и изживания конфликтов (выкупы, войны, геноцид).

Примеров такого рода множество. Практически это происходит во всех странах *импортированной демократии* — в Афганистане, в Ираке, во многих африканских странах, а также в большинстве постсоветских стран. Якобы легитимно избранные под покровительством международных организаций и западных правительств президенты и парламенты представляют не столько интересы населения самих этих стран, сколько интересы правящих этносов и кланов или же, в худшем случае, как, например, в Афганистане, интересы оккупационных сил НАТО. Легитимации путем выборов — в данном случае не важно, честных или фальсифицированных — для покровителей и одновременно импортеров демократии оказывается достаточно. Выступают наблюдатели от ЕС, Совета Европы, ООН и выборы признаются честными и демократическими. Совершенно не важно, насколько избранные парламенты и президенты представляют многообразные партикулярные групповые интересы населения страны. О реальном представительстве речь не идет, достаточно осуществления выборов. Причем, как правило, в этих странах именно оценка выборов наблюдателями оказывается необходимым и в принципе достаточным условием признания выборов легитимными. В противном случае — то есть, если евроатлантические наблюдатели остаются недовольны, само это недовольство уже является сигналом для оппозиции мирным или немирным путем добиваться пересмотра итогов выборов. Много раз это получалось — в Сербии, в Афганистане, в Киргизии, в Молдавии, на Украине. В России, несмотря на недовольство наблюдателей, переворот не удался, хотя готовые «пятые колонны» уже были построены и возвещали о себе негодующими статьями в оппозиционных СМИ. На этом основании можно заключить, что конечным источником легитимности в странах импортированной демократии является не результат народного волеизъявления, а *позиция политических и государственных органов США и ЕС*, выраженная в оценках наблюдателей.

Безусловно, даже такие инсценированные выборы являются для большинства государств с импортированной демократией огромным, можно даже сказать, эпохальным достижением. Переход политической власти в другие руки не ведет к убийству побежденных. В этом, как писал Элиас Канетти

в «Массе и власти», — сущность и всемирно-историческое достижение парламентаризма. Но этого недостаточно для того, чтобы называть возникающий в такой ситуации режим демократическим. Якобы легитимная власть при таком режиме остается абсолютно чуждой интересам подавляющего большинства населения. Внешние силы и местные господствующие кланы — вот и все участники этой игры в демократию. А населению такая власть в лучшем случае не несет ничего, все остается, как было, в худшем же случае несет кровопролитие, бедность, болезни и смерть. Корреспондент Би-Би-Си Хамфри Хоксли опубликовал книгу «Демократия убивает», где на неопровержимых фактах (репортер — не теоретик) показал роковые последствия импорта демократии³⁶. Это республика Берег Слоновой Кости с его обеспечивающим весь мир производством бобов какао³⁷, это Ирак, Афганистан, страны Латинской Америки и т.д. В Ираке, «введя» демократию посредством военной оккупации страны, США добились лишь того, что издавна существовавшие религиозные и племенные противоречия обрели новый, якобы демократический способ выражения, а соответствующие религиозные и племенные формирования (сунниты, курды, христиане, ассирийцы) превратились в электораты соответствующих партий. В результате выборы стали воспроизведением в новом виде вечных конфликтов. Та же враждебность, то же нежелание компромисса, и в конечном счете террор как естественное дополнение к выборам. При этом западные наблюдатели, видя, как иракцы выстраиваются в очереди к избирательным участкам, рапортуют о победе демократического духа, тогда как на самом деле они голосуют не как граждане демократического Ирака, а как носители племенных и конфессиональных идентичностей, и главная их цель при этом состоит в том, чтобы не дать победить своим врагам, поскольку в этом случае их ждет незавидная судьба³⁸. Похожим образом работает украинская оранжевая и посторанжевая демократия. Западные комментаторы торжествуют: все, мол, было не зря, страна прочно встала на рельсы демократии, успешно прошли новые выборы. За пределами рассмотрения и оценки остаются катастрофическое состояние экономики, деградация индустрии, распад морали, депопуляция и другие последствия торжества демократии. Да и в политической организации страны выборы мало что изменили: она по-прежнему расколота на два враждебных лагеря, проигравшие прямо заявили, что не признают победи-

36. Hawksley H. Democracy Kills: What's So Good About the Vote? London, 2009.

37. Подзаголовок книги гласит: «Что хорошего в том, что у тебя есть голос?» Автор показывает, например, что дети, собирающие какао бобы в Кот д'Ивуаре, не получили ничего от появления в стране урн для голосования. То, что они получают сегодня, не отличается от того, что они получали 30 лет назад, когда страной правил жестокий диктатор. После смерти диктатора в 1993 г., Кот д'Ивуар пал жертвой моды на демократию. Результатом стал непрерывный ряд слабых правительств, не сумевших защитить страну от западных производителей шоколада. Вывод Хоксли: у взрослых теперь есть право голоса, но их дети практически остаются рабами.

38. Де Гроот Г. Экспортируя равенство, импортируя нестабильность // ISN — <http://www.inosmi.ru/translation/252437.html>

теля в качестве президента. Начать поднимать народ на бунт им помешало только признание результата выборов западными наблюдателями, посчитавшими, наверное, что шансов на успех такого бунта ввиду опустошения, причиненного оранжевыми за время их правления, слишком мало. Это еще раз показывает, что подлинная легитимация в управляемых извне демократиях исходит не от народного волеизъявления, а от одобрения либо неодобрения этого волеизъявления властями в Вашингтоне и Брюсселе.

Рассматривая управляемые извне демократии и пытаясь объяснить причины неуспеха импортируемых образцов, мы делаем упор на социальную организацию и культуру, не принимающую модели, характерной для массовых обществ. Но многие исследователи отмечают необходимость достижения определенного уровня благосостояния, делающего терпимой и даже желаемой демократическую процедуру и все, что она несет обществу и индивиду. Например, оксфордский профессор Пол Кольер предложил формулу, объясняющую связь между благосостоянием и демократической стабильностью. Он считает, что точка пересечения лежит на уровне среднедушевого дохода в 2700 долларов в год. Ниже этого уровня демократии сложно укорениться. Политический процесс часто прерывается насилием. По контрасту, в обществах, где среднедушевой доход превышает этот уровень, граждане чувствуют, что у них есть доля в системе, и насилие вероятно лишь в том случае, если демократические требования не выполняются. Как показывает Кольер, в новых демократиях по всему миру связь между бедностью и нестабильностью очевидна³⁹.

Профессор Адам Пшеворский почти два десятилетия назад выдвинул свою формулу⁴⁰. Падения демократии, говорит он, никогда не произойдет в стране, где доход на душу населения превышает 6055 долларов. — уровень дохода на душу населения в Аргентине в 1975 г.⁴¹ Косвенно это подтверждается тем, что только в период с 1951 по 1990 гг. в более бедных странах крах потерпели крах 39 демократий, тогда как в более богатых странах 31 демократия просуществовала 762 года, причем ни одна из них не погибла. Богатые демократические страны смогли пережить войны, бунты, скандалы, экономические и правительственные кризисы и многое другое. Вероятность выживания демократии возрастает с ростом дохода на душу населения. В странах с доходом на душу населения, не превышающим 1000 долл., вероятность гибели демократии составляла 0,1636, что означает, что продолжительность ее существования равнялась примерно шести годам. При доходе на душу населения от 1001 до 3000 долларов вероятность гибели демократии составляла 0,0561, а продолжительность ее существования — примерно 18 лет. При доходе от 3001 до 6055 долларов вероятность составляла 0,0216, что равняется приблизительно сорока шести годам существования. А что бывает,

39. Collier P. Wars, Guns and Votes. Democracy in Dangerous Places. London, 2009.

40. Przeworski A. Why Do Political Parties Obey Results of Elections // Democracy and the Rule of Law / Ed. by J. M. Maravall, A. Przeworski. Cambridge, 2003. P. 124.

41. Учитывая сильное падение доллара за истекшие два десятилетия, можно считать цифру Пшеворского не так уж отличающейся от цифры Кольера.

когда доход превышает 6055 долларов, нам уже известно: демократия существует вечно. Если демократия все же пала, считает Пшеворский, при более низком доходе на душу населения диктатуры чаще устанавливаются именно победившей на выборах стороной, а не теми, на смену кому она приходит. В очень бедных странах вероятность установления диктатуры победившей или проигравшей на выборах стороной примерно одинакова. В странах с уровнем дохода от 1001 до 6055 долларов вероятность установления диктатуры проигравшей стороной намного выше. При доходе выше 6055 долларов ни одна из сторон не решится на захват власти.

Если верить забавным выкладкам Пшеворского, а также и Кольеру, импортированные постсоветские демократии в большинстве своем обречены, вопрос только в сроке их жизни. Для нас же сейчас важно, что импорт демократии, то есть, по существу, простейшая пересадка массово-демократических электоральных процедур на почву стран, обладающих совсем иной, чем массовые демократии, культурной, экономической и социальной организацией, не есть тем не менее их «завоевание» или «покорение». Даже если правящий до того режим сметен военной силой, как, например, в Ираке и Афганистане. Сами американцы утверждают, что они пришли с освободительными целями, и освободили Ирак от жестокого диктатора, а Афганистан — от террористического режима талибов. Есть основания полагать, что они не кривят душой, и оккупационные войска в обозримый промежуток времени будут выведены, и власть перейдет к местной администрации (далее события будут развиваться по второму и третьему из описанных выше вариантов). Точно также, как мы помним, Советская армия была выведена из освобожденных в 1945 г. стран Восточной Европы. Дело в том, что приход США и НАТО в эти страны — не «банальное» завоевание, а элемент реализации глобального проекта. Практическая идеология этого проекта — политическая корректность. Согласно принципам политической корректности, не США с участием НАТО оккупировали Афганистан, а международное сообщество пришло на помощь стремящемуся к свету демократии народу. Афганистану не повезло в течении меньше, чем полувека стать жертвой двух ориентированных на мировое господство глобальных проектов. Согласно не менее политкорректной, чем нынешняя западная, советской идеологии равенства, афганский народ стремился к свету социализма. Было бы непolitкорректно говорить, что страна не созрела для социализма. Точно также не политкорректно сейчас сказать, что Афганистан не созрел для демократии. Это было бы похоже на рецидив колониального мышления, согласно которому есть народы, которые стоят на такой ступени развития, что не способны к самоуправлению, а потому должны управляться извне. Для политкорректного мышления это невыносимо. Поэтому необходимо считать, что афганцы, так же как иракцы, кот-д'ивуарцы, гаитяне (где страшное землетрясение обнаружило все убожество гаитянской демократии) и т.д. могут быть такими же хорошими демократами, как англичане, французы, немцы и т.д. На практике оказывается, что импортированная демократия выливается в нестабильность, экономические катастро-

фы, падение жизненного уровня, а иногда в кровавые войны. Тем не менее идеология политкорректности остается непоколебленной, ибо при всей ее толерантной благостности, она уверена в наличии многочисленных врагов, каковы террористы, сексисты, фашисты, коммунисты, ксенофобы, гомофобы и другие мракобесы, справиться с которыми помогают гуманитарный экспедиционный корпус и гуманитарные бомбардировки.

* * *

В начале статьи мы определили политкорректность как идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, легитимации внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса. Именно второй функции политкорректности — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса — в основном посвящена настоящая работа. Содержательно этот консенсус формируется как идеология тотального равенства, ведущая к стиранию всякого рода различий и полному абстрагированию человеческих индивидов, обладающих равными универсальными правами, обеспечение которых является первой и главной функцией государства и политической системы в целом. В то же время политкорректность порождает новый тип социальной структуры, где ключевыми групповыми идентификациями являются категории разного рода меньшинств, рассматриваемых как депривированные и когда-то подвергавшиеся / сейчас подвергаемые эксклюзии со стороны некоего неопределенного господствующего большинства. Это господствующее большинство определяется по-разному каждым из угнетаемых меньшинств. По отношению к женщинам, это мужчины, по отношению к черным — белые, по отношению к инвалидам — здоровые, к бедным — богатые, к жирным — стройные, к уродливым — красивые, к глупым — умные, по отношению к гомосексуалам — люди традиционной сексуальной ориентации и т.д. и т.п. В результате общество начинает рассматриваться как *общество меньшинств*, в котором только меньшинства выглядят реально существующими и претендующими на универсальные права, тогда как это самое якобы господствующее большинство ведет как бы теневое существование и является лишь фоном, служащим демонстрации специфики любого рода меньшинств и обоснованию их претензий на высокий социальный статус и привилегированное место в системе распределения благ.

В результате происходят поистине эпохальные цивилизационные изменения. Мы показали, что господство политкорректности медленно, но весьма эффективно ведет к изменению некоторых основополагающих «констант» европейской цивилизации. Так, политкорректность ведет к замене *истины* как высшей ценности и главного критерия не только научной, но и — не побоюсь это сказать! — моральной правоты, *терпимостью* как высшей максимой морали. Разумеется, виной этому не только политкорректность, но и общее релятивистское устремление философии XX и XXI вв., выжившееся, в частности, в идеях постмодерна, но политкорректность в этой

связи можно рассматривать как дедуцированный из релятивистской философии набор моральных поучений и поведенческих образцов, подходящих к умственному уровню широких масс.

Деградация истины неизбежно сопровождается деградацией науки. Классическая наука эпохи модерна явилась некогда идеалом коммуникативной структуры, по образцу которой строилась *буржуазная общественность*. По мере дифференциации функциональных сфер жизни общества общественное мнение все более и более отделялось от науки, утрачивало свой рациональный пафос и дискуссионную природу и все более обнаруживало в себе черты сложного *механизма господства*, понимание принципов работы которого сложилось лишь к концу XX столетия.

Маргинализация, вытеснение на задний план общественной жизни понятия истины и института науки, которые в свое время легли в основу триумфальных побед и многовековой экспансии западной цивилизации, неизбежно должны были привести к деградации *культуры Запада*. Политкорректность стала, как мы старались показать, главным орудием такой деградации. *Общество меньшинств*, складывающееся благодаря господству идеологии политкорректности, претендует на имя безгранично терпимого общества, но единственно нетерпимое в нем — это традиционные ценности Запада, ведущие свою биографию от деяний героев Гомера: это величие и доблесть, красота и сила, истина и разум, благородство и свобода, мужественность и женственность и т. д. и т. п. Парадоксальным образом эти ценности соотносятся с тем самым смутно определяемым большинством, которое служит *негативным* ценностным полюсом в обществе меньшинств.

Нужно, однако, отметить, что политкорректность не свалилась с неба в древний и прекрасный европейский мир — она *плоть от плоти самих европейских ценностей*, но представляет их, так сказать, не солнечную, не аполлоническую сторону: это доброта и милосердие, любовь и жалость, равенство и снисхождение, страдание, мученичество, самопожертвование и т. д. В рамках общества меньшинств именно эти ценности стали обретать статус абсолютной идеологической нормы, оказываясь при этом противопоставленными очерченным выше ценностям «большинства». Весь фокус, однако, в том, что это лишь часть ценностного богатства европейской культуры, которая может существовать лишь в органическом единстве этих составляющих ее частей, а будучи таким вот образом разделенной, теряет свою идентичность. Европейская культура не может быть культурой угнетенных, культурой меньшинств, что означает также, что она не может быть политкорректной культурой, не утрачивая самое себя⁴².

42. Подробнее о политических импликациях и последствиях внедрения идеологии политкорректности, а также о её проявлениях в разных сферах, в частности, в семье, в медиа, в социальной работе и др. см. в книге: Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2010.